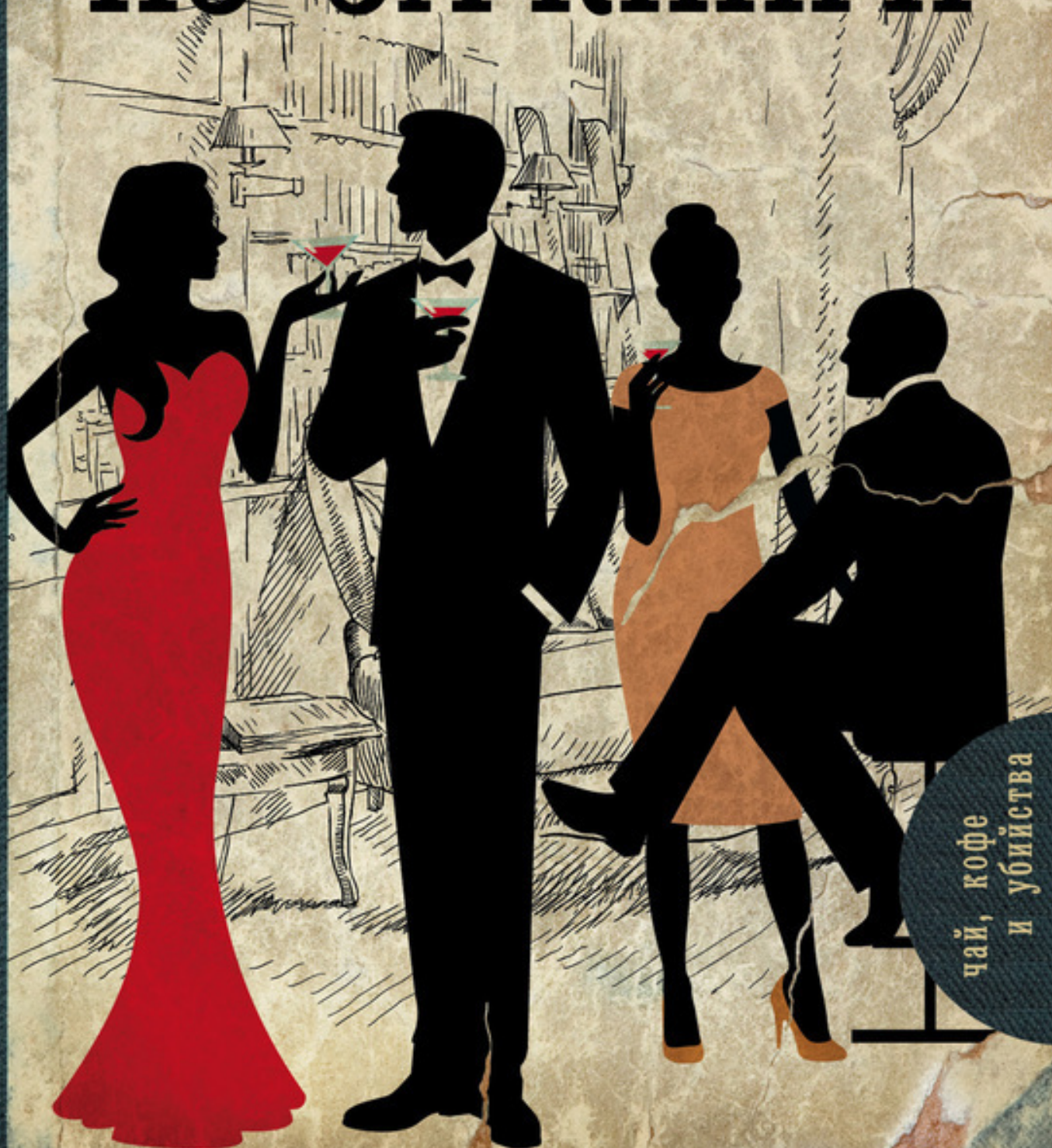

ДЖЕННИФЕР РОУ

УБИЙСТВО
ИЗ-ЗА КНИГ

чай,
кофе
и убийства

Чай, кофе и убийства

Дженнифер Роу

Убийство из-за книги

«АСТ»

1990

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

Роу Д.

Убийство из-за книги / Д. Роу — «АСТ», 1990 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-095422-3

Одно из самых интересных дел Верити Бердвуд. Крупное издательство готовит новый сенсационный проект – серию рекламных акций для четверых популярных авторов компании. Убийственный план – причем убийственный во всех отношениях. Потому что трудно представить людей, которые ненавидели бы друг друга так, как четверо писателей, вынужденных вместе отправиться в турне. Кто-то из четверых умрет. Но кто – язвительный алкоголик, прославившийся книгами о садоводстве? Меланхоличный романист – любимчик и любитель прекрасного пола? Жадная до денег авторша трескучих бульварных биографий? Или ловкая манипуляторша, строчащая сентиментальные сказки для детей? Кто из них станет жертвой? И удастся ли Верити найти убийцу?

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-095422-3

© Роу Д., 1990

© АСТ, 1990

Содержание

Список персонажей	6
Глава 1. Конец эпохи	7
Глава 2. Большие планы	10
Глава 3. Обратный отсчет	17
Глава 4. Последние ингредиенты	22
Глава 5. Воссоединение	26
Глава 6. Скандалы	32
Глава 7. Пора бани	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дженнифер Роу

Убийство из-за книги

Jennifer Rowe
MURDER BY THE BOOK

© Jennifer Rowe, 1990

© Перевод. У. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Список персонажей

Сотрудники издательства «Берри и Майклз»:

Квентин Хейл, генеральный директор
Иви (Ивлин) Ньюэлл, директор по рекламе
Малькольм Пул, ассистент Иви
Эми Файбс, секретарь Квентина
Сильвия де Гроот, директор гонорарного отдела
Кейт Делейни, главный редактор
Сид, рядовой сотрудник
Дэвид, главный художник
Лулу, художник-оформитель
Мэри, секретарь редакции

Авторы и иллюстраторы:

Сэр Сол Мердок, романист
Тилли Лайтли, детская писательница
Джек Спротт, автор книг по садоводству
Барбара Бендикс, биограф
Пол Моррисси, начинающий писатель
Присцилла Пенн, иллюстратор

Другие:

Дороти Хейл, жена Квентина
Сара Лайтли, дочь Тилли
Верити Бердвуд, сотрудница информационного отдела Австралийской радиовещательной корпорации (АРК), подруга Кейт

Полиция:

Дэн Тоби, сержант
Колин Милсон, констебль

Глава 1. Конец эпохи

– Иви, они не имеют права! – бушевала Кейт. – Нельзя просто так взять и вышвырнуть человека из его собственной компании! Да еще в одночасье!

– А у них получилось, ведь так? – медленно отозвалась Ивлин Ньюэлл. – Теперь это их компания. Имеют право делать с ней что захотят.

Она поднялась, подошла к окну своего кабинета и тяжело оперлась на подоконник. Оконное стекло негромко звенело, улавливая вибрации транспорта в час пик, волнами поднимающиеся в горячем влажном воздухе над шоссе, подернутым знойным маревом. Но Иви смотрела поверх шоссе на зеленый парк за черной чугунной оградой, убегающий вдаль, к гавани.

– Вот так-то, – негромко добавила она.

– Мы все должны встать и уйти! И просто не выходить на работу, – наседала Кейт, твердо решив добиться хоть какой-то реакции. – Откуда такое равнодушие, Иви? И не у кого-нибудь, а у тебя?

Усталая и бледная от гнева, Иви обернулась к ней.

– Господи, Кейт, да какой в этом смысл? Брайан знал, чем рискует, когда выступал против слияния компаний. Он знал, я знала, ты знала – знали все! И вот теперь издательство «Берри и Майклз» досталось компании «Голд Груп», а им Брайан Берри не нужен даже в качестве мальчика на побегушках, не то что директора. Так-то. Все кончено. Брайан проиграл и выбыл. – И она снова отвернулась к окну.

В дверь постучали. В кабинет бесшумно прошмыгнула миниатюрная Сильвия де Гроот, директор гонорарного отдела. Ее глаза под густой черной челкой были красными и припухшими, нос розовел под тонким слоем пудры.

– Брайан ушел, – шепнула она. – Видели его?

Иви не шелохнулась, а Кейт кивнула. Сильвия зашмыгала носом, ее глаза наполнились слезами.

– Мы все его провожали, – сообщила она. – И девочки из отдела заказов, и бухгалтерия, и компьютерщики. Он расцеловался со всеми и ушел. До сих пор не верится. – Она повела глазами в сторону Иви, вскинула брови и одними губами выговорила: – Как она?

Кейт пожала плечами и покачала головой.

– Авторы названивают весь день, – продолжала Сильвия. – Вычитали новость в газетах. Грозятся уйти из «Берри и Майклз», если Брайана с нами не будет.

– Это они сейчас так говорят, – не оборачиваясь, отмахнулась Иви.

– Иви, они не шутят, честно! – с жаром воскликнула Сильвия и откинула челку со лба. – Кое-кто из них публиковался у нас еще со времен его отца – Берри-старшего. Мы до сих пор жалеем, что Джералд Берри решил превратить «Берри и Майклз» в открытое акционерное общество – поистине преступное решение. Если бы не это, сейчас все было бы иначе.

– Видимо, в то время эта мысль казалась ему удачной, – проговорила Иви, пожала плечами и отошла к письменному столу. – Откуда Джералду было знать, что толпа алчных акционеров и его наследники однажды продадут его детище тому, кто предложит наибольшую цену? И что его родного сына выгонят отсюда взашей?

– К тому же не какая-нибудь, а английская компания, – подхватила Сильвия. – У «Берри и Майклз» заграничные хозяева – это же ужас что такое! Старик перевернется в гробу. И вдобавок англичанин, которого прислали на замену Брайану, – этот Квентин Хейл...

– А что с ним? – сквозь зубы выговорила Иви.

– Ну он же ничего не знает – ни о нас, ни о наших авторах, верно? И говорят, он чудовище.

– Наемный убийца, – выпалила Иви. – Заправила из отдела маркетинга, которого бросили на новый участок. Брайан познакомился с ним в Лондоне. Говорит, он родную бабушку продаст за пенни.

– Сколько ему? – полюбопытствовала Кейт.

– Чуть за пятьдесят. Вундеркинд-переросток, как выразился Брайан. По-видимому, большую часть времени работал с канцтоварами. Отпад, да?

– С канцтоварами! – взорвалась Кейт.

Иви с трудом сдерживала усмешку.

– Вот такой босс, как по заказу, – продолжала она. – Брайан давно вычислил, что эта должность достанется ему. Знаете, «Голд Групп» сейчас считается сугубо элитарной, а Хейл, видимо, что называется, «не совсем то». Достоверных сведений пока нет, или есть, но неточные, но, видимо, не там учился, не совсем так изъясняется... Вдобавок примерно год назад он оказался замешанным в какой-то безобразный скандал. Нечто связанное с чьей-то смертью, новость попала в газеты. В «Голд Групп» на такое смотрят косо. Это нервирует их боссов, знаете ли.

Ивлин исподлобья посмотрела на ошарашенную Сильвию.

– Впрочем, англичанам не впервой посылать в колонии тех, кто их позорит, верно? – продолжала она. – Как будто иммиграционные законы хоть что-то меняют! – Она горько рассмеялась. – Супер, да? Честные трудяги годами ждут вида на жительство, а Квентин Хейл с его благоверной – хоп, и получили!

Сильвия заморгала, переглянулась с Кейт, попятилась бочком и выскользнула за дверь.

– Как думаешь, что теперь будет? – спросила Кейт.

Иви пожала плечами, ее взгляд стал жестким. Она кивнула на лист бумаги, лежащий у нее на столе.

– Я не думаю – я точно знаю. Мне прислали факс – точнее, не мне, а некой «мисс Идди Ньюэн, директору по рекламе», и мы предположили, что имеют в виду меня. Так или иначе, мисс Идди Ньюэн получила распоряжения. Блистательный мистер Хейл прибывает в понедельник и ожидается в редакции к обеду. В его честь руководство даст приветственный банкет, организация которого возложена на меня. Он остановится в отеле, номер в котором должна забронировать я, а потом, после освобождения квартиры наверху от вещей Брайана, что должна организовать опять-таки я, прибудет его супружница, блистательная миссис Хейл, и они поселятся в вышеупомянутой квартире. И тогда, видимо, блистательный мистер Хейл развернется вовсю: кого-то уволит, кого-то назначит на новую должность, немного покуражится, давя на всех своим авторитетом и пользуясь служебным положением, и наконец пустит в ход обаяние, чтобы подчинить себе всех и каждого, особенно прессу и авторов. Его главная задача – сделать так, чтобы все остались довольны слиянием компаний, смягчить критику и все такое.

– Ему потребуется твоя помощь, – негромко заметила Кейт.

– Пожалуй. Я всегда говорила: реклама и пиар – вторая древнейшая профессия.

– Так ты и вправду остаешься? Ты же вечно твердила, что если уйдет Брайан, то...

Иви уронила голову на руки.

– Не знаю, – ответила она. – Раз уж дело дошло до кризиса... – Она подняла голову. – Я вот о чем думаю: будь я проклята, если позволю им здесь все захватить и переделать на свой лад. Помыкать авторами, разрушать налаженные связи только потому, что они понятия не имеют о нашем рынке и людях и вообще ни черта не знают! Слишком уж мне все это дорого, чтобы просто взять и уйти. Двадцать лет, Кейт. Двадцать лет я отдала этому издательству. И даже если мне повезет найти другую такую же работу, думаю, я кое-чем обязана...

– Ой, Иви, не смейся! Тебя же везде с руками оторвут!

– Пусть так, хоть я в этом не так уверена, как ты, но в любом случае я остаюсь. Подожду и посмотрю, что за птица этот Хейл. А потом решу, как быть. Может, он еще ничего. Ведь может же такое быть, правда? – Впервые за все время голос Ивлин дрогнул. Она задержала взгляд на списке распоряжений у себя на столе.

– Может, – с сомнением отозвалась Кейт. – Может, он и ничего, Иви. Я тоже подожду. Мы вместе подождем и посмотрим.

Глава 2. Большие планы

Для Иви совещание прошло неудачно. Она чувствовала это, как и все остальные, но, как обычно, ни тени неуверенности не отражалось на ее лице, что сразу отметила Кейт. Иви лишь слегка ссутулилась, уставившись в гладкую полированную поверхность стола в конференц-зале, и упрямо продолжала речь.

Кейт украдкой бросила взгляд на Квентина Хейла, восседающего во главе стола. Он откинулся на спинку кресла, аккуратно переплел пухлые пальцы и изображал на широком розовом лице вежливый интерес. Перебивать Иви он не станет, подумала Кейт: он же новоиспеченный босс, любезный с ветеранами редакции, а не просто безжалостная новая метла. Однако Иви чувствовала себя старой пыльной калошей. Совсем не так, как полагается директору по рекламе.

Кейт перевела глаза на хорошо знакомую фигуру Иви, не слушая проект рекламных мероприятий «в ознаменование» слияния компаний с целью «активного продвижения нового имиджа издательства», как выразился Квентин сразу по прибытии. Иви обсудила ее с сотрудниками еще несколько недель назад: в качестве главного события – банкет для авторов и сотрудников «Берри и Майклз», а также остального издательского сообщества, детский конкурс, презентация рекламы с новым слоганом, университетская стипендия от основателя издательства – словом, разумная и выверенная кампания, не предполагающая особых затрат. Ажиотажа она не вызовет – а что вообще способно его вызвать, если уж на то пошло? В любом случае кампания пройдет успешно, какой бы заурядной она ни казалась. Кампании Иви всегда оказывались успешными. Не зря она проработала в «Берри и Майклз» двадцать лет. Издательство она знала вдоль и поперек и умела рекламировать его коммерческую жилку в сочетании с чутьем на качественную литературу. Об этом было известно всем и каждому.

Но не Квентину, вдруг сообразила Кейт. Он приехал всего месяц назад, а раньше об Иви Ньюэлл и слухом не слыхивал. И Кейт вместо хорошо знакомой и порой эксцентричной ветеранши издательства, давнего единомышленника колоритного Брайана Берри, место которого занял Квентин, увидела то же, что видел сейчас этот самый Квентин Хейл.

А видел он приземистую невзрачную женщину средних лет с монотонным голосом и грубоватыми манерами. Не самое впечатляющее зрелище для такого человека, как Квентин. С трудом верилось, что прежде его офисный мирок населяли персонажи, подобные Иви. В него скорее вписывалась секретарь Эми Файбс – тщательно ухоженная, чтобы не сказать «холеная» блондинка, которую Квентин взял на работу через неделю после того, как прибыл на новое место. Несомненно, благодаря ее холодной английской практичности он чувствовал себя как дома. У всех остальных Эми вызывала мучительное ощущение неловкости.

Иви последний раз заглянула в свои записи и начала закругляться. Рядом заерзал ее новый ассистент Малькольм Пул – ангельского вида малый, с преданным взглядом и легким румянцем на подернутых пушком щеках. Кейт увидела, как он на миг поймал взгляд Квентина, еле заметно приподнял брови и вдохнул чуть глубже, чем следовало бы.

Сопляк, ненадежный, но пробивной, подумалось Кейт. Этот своего не упустит. Иви еще пожалеет, что согласилась взять его в ассистенты, если уже не пожалела. Все мы купились на его внешность херувима и большие голубые глаза. Вот кретины! От него же прямо-таки несет амбициями. Наверняка прочитал какую-нибудь мерзкую книжонку про офисные стратегии и как быть успешным. И легко втерся в доверие к Хейлу.

– Благодарю, Иви. – Человек, сидящий во главе стола, выпрямился и сверкнул улыбкой. – Не скажу, что это то, что надо, но уверен, вы дали нам обильную пищу для размышлений.

Ивлин заморгала.

– Я считала... – начала она.

– А теперь, – ловко перебил ее Квентин и вскинул руку, призывая Иви к молчанию, причем улыбка так и не сошла с его лица, – пожалуй, можно послушать, что думают остальные. – Он огляделся. – Вы не могли бы записывать, Эми?

Сидящая рядом с ним секретарь кивнула и закинула одну стройную ногу на другую. Ручка в ее пальцах зависла над блокнотом для стенографирования, бледно-зеленые глаза блеснули, обводя комнату холодным взглядом. Секретарь и ее босс ждали.

Над столом прокатилась легкая волна паники. Такие проекты всегда представляла Иви. Все, кому было что сказать, обсудили свои идеи с Иви несколько недель назад, и если они были признаны удачными, их уже включили в старательно проработанный план, мгновенно низведенный теперь до уровня «пищи для размышлений».

Кейт увидела вокруг озадаченные и перепуганные лица, сообразила, что сама выглядит не лучше, и попыталась взять себя в руки. Краем глаза она заметила, как подалась вперед, сверкая глазами из-под черной челки, Сильвия де Гроот, директор гонорарного отдела. Наверняка опять начнет проталкивать свою безумную затею с голубыми и хором местной церкви в костюмах в виде книжных супербложек.

– Квентин, по-моему, Иви уже изложила идеи большинства сотрудников издательства, – поспешила сказать Кейт, упреждая нависшую катастрофу.

– А, вот как! Ясно. Ну что ж, отлично. – Квентин не выказал ни разочарования, ни удовольствия.

Эми поставила пару крючков у себя в блокноте и принялась придирчиво изучать собственный ноготь.

– Но знаете, вы не совсем правы, Кейт, – легким тоном продолжал Хейл. – Если не ошибаюсь, не прочь высказаться сотрудник, который работает здесь совсем недавно. – И он с улыбкой кивнул Малькольму Пулу.

– Ну, знаете ли... – Иви вспыхнула и круто обернулась к своему ассистенту.

Очутившись в центре всеобщего внимания, Малькольм заморгал в притворном смущении, которое никого не обмануло, он открыл ярко-желтую папку, лежащую перед ним, и прокашлялся. Пальцами с идеально вычищенными ногтями он легко оперлся о стол.

– Да, я начал работать с вами совсем недавно, – начал Пул. – Месяц – это не срок. Я даже мечтаю привнести в эту дискуссию хоть что-нибудь равноценное знаниям и опыту Иви, Кейт и всех тех, кто трудился в «Берри и Майклз», когда я еще пешком под стол ходил. – Он одарил собравшихся приятной улыбкой. – Но ради практики, поскольку я знаю, что мне еще учиться и учиться, я решил обобщить свои мысли. Видите ли, я, как новичок, многое вижу иначе.

Квентин кивнул.

– Вот именно. Свежий взгляд. Я принял вас на работу в том числе и по этой причине, Малькольм. Новые кадры всегда к стати. Надеюсь, все с этим согласны. – Хейл оглядел присутствующих и широко улыбнулся.

– Логично, – пробормотала Иви. – Что ж, послушаем.

Не сводя с Малькольма острого оценивающего взгляда, она уселась поудобнее и скрестила руки на груди.

Малькольм поднял ясные голубые глаза и заговорил, обращаясь непосредственно к Квентину Хейлу:

– Мне как новичку показалось, что многое здесь принимается как данность. Например, это прекрасное старинное здание. Одно из самых старых в городе, если не ошибаюсь? Какое удачное место для главного офиса издательства! Это же достопримечательность. Вот я и подумал, что оно должно стать центром рекламной кампании.

– Места не хватит, Малькольм, – раздраженно перебила Иви. – Наш зал для приемов вмещает не больше пары сотен человек. А зала, который я забронировала, хватит на...

– Иви, я говорю не о банкете, – мягко возразил Малькольм, поворачиваясь к ней. – Можно, я продолжу?

Иви пожала плечами.

– Банкет, который предложила Иви, – продолжал Малькольм, обращаясь опять-таки к Квентину, – это, в сущности, мероприятие для наших авторов, сотрудников и некоторых гостей. И все они, разумеется, прекрасно проведут время, в этом я несколько не сомневаюсь. Вопрос в другом: какая выгода от этого нам? – Он обвел присутствующих вопросительным взглядом.

– Но это же очевидно! – резко откликнулась Кейт, которую страшно раздражала выдержка Малькольма. – Это пиар-акция!

– А пресса приглашена?

– Само собой. И литературные критики, и люди из отдела сенсаций и светской хроники, только все равно из этого ничего не выйдет.

Малькольм подался вперед:

– Почему же?

– Да потому, – скучающим голосом разъяснила Иви, – что получится столпотворение, в котором гламура не будет ни на грош. Может, они и придут, но писать об этом не станут.

– Ну тогда незачем и начинать, – холодно подытожил Малькольм и смахнул невидимую пылинку с манжеты.

– Я не согласна! – выпалила Иви, густо побагровев. – Цель этого...

– Иви, я хотел бы дослушать предложение Малькольма, – невозмутимо прервал ее Квентин Хейл и посмотрел на часы. – А в три у меня встреча. – И он кивнул Малькольму, который, с трудом сдержав довольную усмешку, продолжил:

– Все наши авторы – замечательные люди, но с точки зрения прессы, большинство из них почти не представляет интереса для широкой публики. Однако есть исключения. Итак, Большая четверка. – И он положил на стол снимок, на котором субтильного вида дама с маргариткой в руках загадочно улыбалась на фоне стены полированного красного дерева.

– Тилли Лайтли, – тоном собственника объявил Малькольм, словно впервые произносил имя, знакомое в издательстве всем и каждому. – Автор детского бестселлера «Приключения кенгуру Падди», выдержавшего за двадцать лет множество переизданий – к счастью, для автора и для нас.

Он выложил на стол вторую фотографию: романтический студийный портрет чувствительного с виду мужчины с впалыми щеками, серебристой сединой и взглядом, который принято называть «проникновенным». Если присмотреться, казалось даже, что у него подрагивают губы.

– Сол Мердок, наш выдающийся романист. Мало найдется людей, кто никогда не слышал о нем. Обладатель всех мыслимых литературных премий, издающийся во всем мире. Громкое имя.

– Вот только его авторские гонорары измельчали, – пробормотала Сильвия де Гроот, все еще обиженная тем, что ей не дали высказать собственную идею рекламной кампании.

Не обращая на нее внимания, Малькольм взял третий снимок. Похожий на гнома весельчак Джек Спротт, друг садоводов, подмигивал из-за веток буйно цветущей камелии.

– Полмиллиона экземпляров «Альманаха садовода» Джека Спротта уже распродано, еще десять его книг по садоводству сейчас в печати. На данный момент – наш самый яркий автор книг с практическими советами, – отрывисто закончил Малькольм, потянувшись за четвертым, последним снимком.

Выдерживает темп, отметила Кейт, и взглянула на Квентина. Тот сидел, откинувшись на спинку кресла и заложив руки за голову, его лицо выражало одобрение. Ему явно импониро-

вала манера Малькольма. Кроме того, информация о ведущих авторах издательства была для Хейла новой, следовательно, представляла интерес.

– И последний представитель Большой четверки... – продолжал Малькольм.

Все, конечно, догадались, о ком идет речь, тем не менее с невольным любопытством взглянули на снимок великой и ужасной Барбары Бендикс: крупные глаза, выдающийся бюст и обилие экзотических украшений.

– Наша заплочных дел мастерица, – улыбнулся Малькольм Пул, воскрешая давнюю издательскую шутку так, словно сам ее придумал.

Квентин расхохотался.

– Мисс Бендикс – наше сравнительно недавнее, но чрезвычайно ценное приобретение. – Говоря, Малькольм постукивал по портрету Барбары Бендикс пальцем. – За каких-то восемь лет она стала одной из самых популярных женщин в стране, и все благодаря трем книгам – неофициальным биографиям известных личностей «без прикрас», каждая из которых произвела фурор. Должен заметить, мисс Бендикс поразительно остроумна...

– Хотите сказать, злоязычна? – сухо уточнила Кейт. – Она пишет только о тех, кого уже нет в живых, и на самом деле эти книги на редкость скандальные, оскорбительные и...

– Тем не менее их покупают, верно? – встрял Малькольм. Он выглядел таким жизнерадостным, словно своим существованием Барбара Бендикс была обязана ему лично.

– Благодарю, Малькольм, мы хорошо осведомлены о ценности мисс Бендикс для издательства, – отрезала Иви. – Иначе и быть не могло. За ее следующую книгу выплачен огромный аванс. Который, кстати, она уже потратила, а мы не увидели ни единой новой главы! И даже понятия не имеем, о чем эта книга!

– Похоже, Барбара занялась кем-то, кто жив-здоров и способен дать отпор, – предположила Кейт. – Потратила кучу времени и увязла по уши, а теперь ей грозит обвинение в клевете и сдавать в издательство нечего, вот она и...

– Да-да, конечно, – покаянно взглянул на Кейт Малькольм. Так и виделось, как этот деятельный и дисциплинированный ум под коротким ежиком волос закатывает самому себе оплеуху – не забывай о тактичности, Малькольм!

– Так мы будем продолжать или нет? – сварливо вмешался Квентин.

– Да... – Малькольм слегка покраснел, аккуратным веером разложил фотографии на столе и продолжил:

– Эти авторы знамениты, но их книги популярны у широкого круга читателей. Иви сказала мне, что приезд троих из этих авторов на наше празднование не ожидается, поскольку они живут в разных концах страны: Тилли Лайтли – в Западной Австралии, Сол Мердок – на юге, в Виктории, Барбара Бендикс – на севере, в Квинсленде. И только Джек Спротт живет здесь, в Сиднее. Кажется, это обстоятельство Иви не беспокоило. Но вы только вдумайтесь, что мы имеем: детский писатель, популярный романист, автор книг с практическими советами и автор нехудожественных бестселлеров. Они символизируют четыре сильные стороны «Берри и Майклз», мало того – олицетворяют север, юг, восток и запад страны. И еще: двое мужчин, две женщины. Видите? Эти четыре человека олицетворяют всех наших авторов! А что, если... – он побарабанил пальцами по снимкам, и его глаза возбужденно заблестели, – что, если мы пригласим всю Большую четверку на три-четыре дня групповых интервью, пресс-конференций, автограф-сессий? Разместиться они могут прямо здесь, в апартаментах наверху. Все четверо в одном месте – это уже кое-что, особенно если мы обставим их пребывание с размахом: путешествие первым классом, представительские автомобили... В кои-то веки будем обращаться с ними как со звездами. Тогда у нас будут и статьи в прессе, и материалы на радио и телевидении, все, что угодно! Австралийская радиовещательная корпорация уже обращалась к нам по поводу сюжета о слиянии компаний. Вот мы и скажем: да ради бога, пожалуйста, нам скрывать нечего! И подгадаем по времени визит сотрудника АРК к рекламной кампании Большой чет-

верки и дадим им возможность снять банкет – но не шумное и многолюдное сборище, куда приглашают всех и каждого, а элегантный прием с Большой четверкой в качестве почетных гостей! – Пул подался вперед. – По-моему, идея беспрюграммная. Представляете, никто из Большой четверки, кроме Барбары Бендикс, не появлялся на публике уже как минимум пять лет! – Он развел руками и состроил недоуменную гримасу. – Честно говоря, ума не приложу, почему на публичных появлениях этих авторов никто не настаивал. Но, к счастью, даже это теперь нам на руку – журналисты из одного только любопытства будут сражаться за билеты на банкет и на интервью. И самое важное – проект ясно даст понять всем сразу: в издательстве «Берри и Майклз» теперь новое руководство! Энергичное, прогрессивное, способное мыслить неординарно и пиарить, пиарить, пиарить!

Пул захлопнул папку и выжидательно умолк.

– Малькольм... – медленно начала Иви.

– И это еще не все! – Квентин придвинулся к столу, игнорируя Иви. – Вот образец мышления, которое выведет компанию в двадцать первый век! Смело, просто и эффектно! Отличная реклама. И отличная работа!

Малькольм зарумянился от удовольствия.

– Это невозможно, Квентин, – покачала головой Иви. – Дело в том, что...

– Ради всего святого, Иви, дорогая, мы же все в одной команде, надеюсь! – решительно прервал ее Квентин. – Малькольм предложил кое-что получше, чем вы. Только и всего.

– Теоретически все выглядит просто замечательно, – заговорила Кейт, поглядывая на Иви, которая старательно зарисовывала прямыми линиями свой блокнот. – Но, к сожалению...

– Кейт, умоляю, к чему столько негатива? – серьезным тоном начал Квентин. – Принять во внимание можно любые обстоятельства. Собственно говоря, я даже не сомневаюсь, что Малькольм уже все продумал. Он вложил немало труда и светлых мыслей в свой проект, это же очевидно, и, по-моему, заслуживает от нас всяческой поддержки. По крайней мере, моя ему обеспечена. Не следует наступать на одни и те же грабли, отвергая свежие идеи только за их оригинальность и новизну.

– Квентин! – голос Иви прозвучал тихо и зловеще.

Он категорически покачал головой и положил ладонь на руку Эми.

– Будьте добры, Эми, с этого места записывайте подробно: Малькольм предоставит вам всю недостающую информацию. Копии материалов будут розданы всем присутствующим. Я назначаю Малькольма ответственным за осуществление проекта. Иви окажет ему всю необходимую помощь и поддержку. Некоторые пункты ее плана можно сохранить – к примеру, детский конкурс и стипендию, если увязать их с основополагающей идеей. Подумайте об этом, Малькольм. В идеале я хотел бы, чтобы этап планирования занял не более месяца начиная с сегодняшнего дня. Да, времени в обрез, но вы справитесь. – Он коротко улыбнулся и поднялся. – Увы, нам придется прерваться: как я уже сказал, у меня встреча. Всем спасибо.

Объявление о том, что все свободны, прозвучало твердо и непреклонно.

Покидая конференц-зал, повидавший в прошлом множество шумных и веселых совещаний, Кейт оглянулась. Склонив голову, Малькольм слушал Квентина, который что-то втолковывал ему вполголоса. Как меняются времена!

Не дожидаясь лифта, Иви понеслась вниз по лестнице в свой кабинет – неопрятную клетушку на первом этаже здания. На его размеры она жаловалась уже который год, но когда ей предлагали замену, почему-то всегда находила причины отказаться.

Кейт застала Иви опирающейся на широкий подоконник и смотрящей в окно. Возможно, именно из-за этого вида на зеленый парк она и довольствовалась столько лет тесной каморкой.

Издательство «Берри и Майклз» было – по крайней мере, раньше, – средоточием жизни Иви. На протяжении многих лет она уверенно и хладнокровно ведала вопросами рекламы.

С понедельника по пятницу Ивлин излучала живость и энергию, подначивала, умасливила и запугивала своих деловых партнеров и авторов, постоянно висела на телефоне и носилась с одной встречи на другую. Эта жизнь доставляла ей удовольствие. И она не понимала, почему так не может продолжаться вечно – или, по крайней мере, до тех пор, пока она сама не пожелает что-нибудь изменить. Но всего за несколько недель в ее жизни изменилось все.

Кейт, помедлив в дверях, поняла, насколько значительны перемены. Ссутуленные плечи придавали облику Иви беззащитность.

– Иви...

– Что?

– Ты знаешь, что. Иви, ты должна им объяснить.

– Я? С какой стати?

– Иви, если ты не хочешь, это сделаю я. Квентин должен знать.

– Я пыталась ему объяснить. Но он заткнул мне рот. Ты тоже пыталась. Он и тебя заставил заткнуться. Лично мне этого хватило. Пусть теперь сам расхлебывает кашу вместе с этим поросенком Пулом.

– Нам тоже придется расхлебывать ее, Иви. Как и всему издательству.

– Издательству ничего не сделается. За время его существования с ним и не такое случилось. Катастрофой больше, катастрофой меньше – неважно. Если что и уничтожит его, так это отношение, пример которого мы только что видели: полное отсутствие уважения к опыту, скоропалительные решения, стремление подсадить друг друга – вот это все.

– Иви, предложение прозвучало очень убедительно. Ты же понимаешь, Квентин...

– Да, понимаю: Квентин Хейл впечатлился. Предложение звучало отлично. Конечно же. Но как понять то, что он не дал нам даже высказаться, а какому-то ничтожеству, которому двадцать два года от роду и которое даже двух недель здесь не проработало, поручил организацию такого важного мероприятия, да еще попросил меня оказывать ему помощь и поддержку?!

– Иви, я понимаю, это ужасно, но... – Кейт коснулась плеча подруги.

Иви круто обернулась к ней. Ее глаза припухли и покраснели, лицо покрывали розовые пятна.

– Кейт, и ты понимаешь, и я понимаю. Теперь, когда Брайан ушел, а почти все давние сотрудники или ушли вслед за ним, или смирились с неизбежным увольнением, из понимающих здесь остались только мы с тобой. Поэтому ты будешь молчать. Это моя забота, а не твоя.

– А может, они еще не согласятся, – с надеждой предположила Кейт.

Иви фыркнула.

– Еще как согласятся! Ни один не устоит, если с ними пообещают носиться как со звездами. Сразу ухватятся за такой шанс обеими руками. Они всегда считали, что я слишком мало рекламирую их. Так что они будут в восторге! – В ее хохоте зазвучали истерические нотки. – Ладно, пусть попробуют разок расправить крылышки и покинуть золотую клетку, в которой я их держала. Может, поймут хотя бы, что я не настолько глупа и занудна. Я не против, пусть у нашего красавчика-бойскаута Пула прибавится забот. Самовлюбленная Тилли Лайтли, анорексичка и капризуля, с осточертевшим ей до смерти окаянным кенгуру, после двадцати лет обоюдной ненависти столкнется нос к носу с бывшим любовником Солом Мердоком, который, по всем свидетельствам, твердо держит курс на третий по счету нервный срыв. Прелестно. Весельчак Джек Спротт, милый, беспробудно пьяный Джек, за которого много лет подряд пишут книжеры, потому что уже к обеду он тяпку удержать в руках не в состоянии, прибавит развлечений. На групповых интервью ему самое место. Надеюсь, Малькольм удосужится организовать и литературный обед.

– Иви!

– И, конечно, не будем забывать про Барбару Бендикс. То-то она развернется! Компромата на остальных троих наберется на полдюжины гнусных статей – ей как раз хватит, чтобы

перекантоваться, пока не выйдет книга. А как она очаровательна! Как обаятельна и мила! Столько сострадания. И благородства. И вся эта компания размещена в комнатах наверху. Это Малькольм хорошо придумал, лучше некуда. Кейт, я жду не дожусь, когда увижу все это, честное слово!

– Иви, это будет кошмар. Смертоубийство!

– А вот этому я ничуть не удивлюсь!

Глава 3. Обратный отсчет

Из «Сидней морнинг стар»: «В условиях непрекращающейся полемики по поводу присоединения «Берри и Майклз», одного из старейших издательств Австралии, британским гигантом «Голд Групп», недавно назначенный директор Квентин Хейл заручился поддержкой самых известных авторов издательства в попытке разрядить обстановку.

Мистер Хейл, 51 год, восемь недель назад сменил на посту давнего директора Брайана Берри, внука основателя издательства. Ранее новый глава занимал должность директора по маркетингу в лондонской компании «Оллпринт» – издательском филиале «Голд Групп».

Сегодня вечером мистер Хейл и его жена Дороти устраивают вечеринку с коктейлями в офисе издательства «Берри и Майклз» – особняке «Карлайл» – в честь сэра Сола Мердока, детской писательницы Тилли Лайтли, небесспорного биографа Барбары Бендикс и постоянного автора рубрики «Садоводство» нашей газеты Джека Спротта.

«Большой четверке», как названы эти авторы в рекламных материалах «Берри и Майклз», в ближайшие несколько дней предстоит большая работа с плотным графиком конференций, литературных обедов и интервью. Все четверо будут почетными гостями на торжественном приеме, который пройдет в исторических помещениях «Карлайла» завтра вечером.

«Карлайл», построенный основателем компании Уолтером Берри в 1899 году, сохранил свой изначальный облик, несмотря на некоторые внутренние переделки – например, в 20-е годы он был оснащен лифтом, на третьем этаже оборудованы четыре номера апартамент-отеля для гостей, а на верхнем этаже расположилась служебная квартира, которую в настоящее время занимают мистер и миссис Хейл.

На завтрашнем вечернем торжестве ожидается весь австралийский бомонд, но последний из живущих в Австралии наследников семейства Берри, Брайан Берри, не посетит его. Поговаривают, что, шокированный и раздосадованный тем, что изменники-акционеры не поддержали его старания избежать присоединения к «Голд Групп», а также последующим смещением с руководящего поста, который занимали еще его отец и дед, мистер Берри отправился на длительный отдых в Европу».

С мрачноватой усмешкой Тилли Лайтли отложила газету. Теперь-то Брайан Берри поймет, каково это – быть изгоем. А «Голд Групп» молодцы. Брайан всегда держался так холодно и высокомерно, ни о какой поддержке с его стороны и речи быть не могло. Не то что его отец, старый Джералд, – вот тот был душка.

Тилли всегда чувствовала себя неловко в присутствии Брайана, с тех пор, как в самом начале своей работы в издательстве он отверг ее третью книжку о мышке Бинди. Сказал, что она «заурядна», а рисунки в ней «простоваты для нынешнего рынка, существующего в условиях жесткой конкуренции». Чуть ли не как. Вот Джералда полностью устраивали ее рукописи. Просто Брайан ничего не смыслил в детских книжках, а унижал ее, наверное, ради ощущения собственной власти, ведь она была любимицей его отца.

Поделом ему было бы, уйди она в другое издательство. После двух удач отказ стал для нее страшным потрясением. К тому времени еще и года не прошло после смерти Алистера, они с Сарой существовали вдвоем на пенсию. Она так рассчитывала на эту книгу, думала, что будет хоть немного полегче. Надо было все-таки взять и уйти. Но милый старый Джералд написал ей такое душевное, сочувственное письмо – дескать, отложи Бинди пока в сторонку, Тилли, напиши что-нибудь новенькое. Ты справишься. Так и появился кенгуру Падди, а что было дальше, всем известно.

Милый старый Джералд... Он всегда питал к ней слабость. Тилли до сих пор помнила, с каким трепетом читала письмо, в котором он сообщал ей, что ее первая книга, «Знакомьтесь –

мышка Бинди», принята. «Очаровательно... восхитительно...» – так он и писал, и рисунки ему понравились, и опубликовал он книгу точь-в-точь в таком же виде, как Тилли прислала ее, – не изменил ни строчки, ни слова. Ей, девятнадцатилетней студентке, было так приятно. Издать свою первую книгу в таком юном возрасте – этого достижения у нее не отнимет никто. Снобам из университета такое даже не снилось.

Нет, они не впечатлились – еще чего! Этих высоколобых детской книжкой не возьмешь. Наверное, думали, что раз она детская, то даже презрения не заслуживает. Как и Брайан Берри, считали, должно быть, что такое любой дурак напишет. Сол всегда стеснялся «Бинди», даже говорить о ней не желал, особенно в присутствии этих своих друзей. Тилли гордо вскинула подбородок. И чего же эти самые друзья добились с тех пор? Ничего! Все прозябают в неизвестности, все до единого. Кроме Сола. Так что все-таки есть у них с Солом что-то общее, о чем понятия не имела вся эта толпа. Сколько бы они ни пыжились, на истинный творческий порыв их озлобленные, бесплодные, иссушенные учебной умишки не способны.

Тилли вдруг заметила, что судорожно цепляется за ремень безопасности и тяжело дышит. Она бросила быстрый взгляд на Сару, сидящую рядом. Но ее дочь, лицо которой было прикрыто, как маской, черными спутанными волосами, смотрела в окно и, как обычно, грезила наяву. Похоже, в последнее время она стала все чаще ускользать в свой мир. Тилли коснулась ее руки, и Сара медленно повернулась к ней, заморгала и слегка улыбнулась, словно просыпающийся ребенок.

– Все хорошо? – легко и оживленно спросила Тилли.

– Конечно, мама. А у тебя?

Успокаивая мать, Сара улыбнулась шире и кончиком языка коснулась длинных передних зубов – совсем по-детски, и не подумаешь, что ей уже двадцать лет.

Тилли кивнула с нервным смешком. Давно прошло время, когда Сара была для нее открытой книгой. Все ее детские и подростковые годы между ними сохранялись близкие отношения, но с недавних пор Тилли все чаще казалось, что у Сары появились... собственные мысли. К которым матери доступа нет. От этого становилось неудобно и тревожно. Сара тоже начала писать. Запиралась у себя в комнате и что-то печатала – вместо того чтобы после ужина читать в кабинете, рядом с работающей матерью. Это смущало Тилли. Может, теперь, с окончанием книги, жизнь вернется в привычную колею. И эта поездка в Сидней наверняка пойдет на пользу.

– А свою рукопись ты уложила, Сара? – негромко спросила она.

Сара повела плечами.

– Конечно, я ведь говорила тебе, мама, – с легким недовольством ответила она.

– Ах да. – Тилли сдержанно вздохнула. В последнее время Сара стала такой раздражительной. – Какой все-таки удачный шанс нам представился, детка, – продолжала она, – теперь мы сможем отдать рукопись Квентину Хейлу в собственные руки и не изводиться в ожидании.

– Да не нужна им эта книга, мама, – пробормотала Сара, и ее широкие плечи поникли. – Ты же сама так прямо и сказала: не нужна она им.

Ее тонкая хлопковая блузка в цветочек чуть не лопалась по швам.

– Я не говорила этого, Сара, я сказала только, что, возможно, они попросят тебя доработать рукопись. Не стоит рассчитывать, что ее примут с первого же раза. – Тилли отвела взгляд. – Но конечно, ее возьмут, детка. Думаешь, они посмеют отказать моей дочери?

Сара повернулась к ней, ее темные глаза вспыхнули яростью.

– Но я не хочу, чтобы мою рукопись взяли только из-за тебя, мама! На этом все будет кончено! Да я лучше сожгу ее!

– Не вижу причин, – рассудительно возразила Тилли. – Всем приходится с чего-то начинать.

Сара прикусила губу и снова уставилась в окно. Тилли еще некоторое время пребывала в полной готовности продолжить разговор, потом запал прошел, и она расслабилась. С удивлением обнаружив, что у нее трясутся руки, она нервным жестом сжала их. Ладони были влажными. Тилли вдруг почувствовала себя безнадежно тупой. Сол Мердок легко доводил ее до такого же состояния. Тилли передернулась. Ну теперь-то Солу она не по зубам. Она стала старше. И не только старше, но и добилась подлинного, самого настоящего успеха, вдобавок все еще привлекательна, и это ей известно. Так что у Сола нет никаких причин задирать перед ней нос.

Тилли вспомнилась последняя встреча с ним – его лицо, искаженное злобой и презрением, оскорбительные и грубые слова, полнейшая неспособность принять ее точку зрения или понять ее потребности. И эта одержимость собственными взглядами, своим бесценным мнением. И убежденность в своем превосходстве и в том, что он пошел на невероятные жертвы, чтобы поддерживать отношения с ней вопреки осуждению его косных друзей-снобов. Ну что ж, теперь он поймет, как жестоко ошибся.

Сол Мердок обмяк в кресле, закрыл глаза и дал размеренному гулу самолета заполнить его сознание, вытеснить беспорядочные досадные мысли, громкие, как вопли, не дающие ему покоя. Правильно ли он поступил, согласившись на эту поездку? Врач считал, что поехать стоит. Главное – не давать себе скучать, говорил он. Какой смысл сидеть наедине с мыслями? Забавно... До сих пор не утратившие красивую форму губы Сола Мердока растянулись в улыбке. Когда-то побыть наедине с мыслями было для него все равно что попасть в рай. А потом мысли сложились, выстроились в цепочки и стали книгами. Но это было давным-давно. Теперь же они неизменно оставались бессвязными и бесформенными осколками озарений, воспоминаниями, от которых коробило, аморфными страхами, которые крутились в мутных водах его разума, как вещи в стиральной машине, и ни во что не складывались, никуда не вели, изнуряли и вселяли ужас.

Но этот вызов в «Берри и Майклз»... Он получил его, и через несколько дней все улеглось. Впервые за много лет Сол отчетливо понял, как он может, все еще может, распорядиться своей жизнью. Даже теперь Сол все еще видная фигура. Символ, как сказано в письме из «Берри и Майклз». Он – авторитет. И навсегда может остаться авторитетом. Благодаря строгости и скрупулезности мышления. Благодаря цельности, взыскательности, всему, чем обычно пренебрегают и над чем даже глумятся в погоне за легкой наживой, властью и престижем, с одной стороны, и быстрым удовлетворением потребности в самореализации – с другой.

Повсюду восхваляют сентиментальную макулатуру, небрежное мышление воспринимают всерьез. А он способен быть голосом разума в этих дебрях. Когда Мердок понял это, он обрел причину, чтобы жить дальше. И принял приглашение, и со свойственной ему педантичностью распорядился насчет присмотра за домом и собакой на время его отсутствия.

Но за несколько дней до отъезда сомнения, как незваные гости, начали просачиваться в чистое, тихое, ничем не замусоренное помещение, которое он отвел предстоящей задаче в своем разуме. Они напомнили ему о других приглашенных на это торжество. О других авторах, которым, вероятно, тоже объявили, что они – символы национального значения.

Один из них, по всей видимости, – садовод Джек Спротт, одолживший свою фамилию пестицидам и удобрениям; другой – Барбара Бендикс. Сол не читал ни одной ее книги и не собирался, зато видел интервью по телевизору. Этого мучительного зрелища хватило, чтобы убедиться: этой женщины следует избегать любой ценой. Сколько грязи она вылила на беднягу Фредерика Маннерза! Прекрасный писатель, Фред, порой сентиментальный и даже слезливый, явно был выдающейся личностью, одним из тех, кто заслуживал статуса кумира публики.

Сол Мердок поморщился. От популярности бедного Фреда не осталось и воспоминаний. Он превратился в мишень для плоских шуток любого, кто привык лишь трепать языком, с тех

пор, как книга этой женщины, написанная еще до смерти Фреда, отправилась в набор, – по слухам, уже через несколько недель после его похорон.

Забавно, что закон о клевете, который так легко призвать на помощь по самому пустячному поводу, пока человек жив, ничуть не возражает против нанесения ущерба репутации после смерти. Барбара Бендикс обобрала Фреда, отняла у него личную жизнь, достоинство и славу. Разумеется, те, кто был близко знаком с ним, знали о его симпатичных молодых приятелях. Возможно, не все, ведь мужчины глупы, когда речь заходит о постельных делах, – глупы до неприличия, подумал Сол со смирением затворника. Безусловно, кое-что из написанного Бендикс о привычках Фреда могло вызвать изумление у публики. Но ведь о человеке судят по его делам, а не по поведению в личной жизни, особенно если он жил тихо и никому не делал зла.

Так что же символизирует Барбара Бендикс? Само собой, общенациональное хобби – низведение до уровня серой массы каждого, кто хоть немного возвышается над ней. А для «Берри и Майклз» – власть больших продаж и больших денег на рынке.

Сол вздохнул. Интересно, пытался ли Брайан Берри хоть когда-нибудь разобраться в своих чувствах, публикуя эту дикую чушь? А если бы Фред Маннерз был автором «Берри и Майклз», неужели Брайан все равно согласился бы издать пасквиль Барбары Бендикс? Вполне возможно. Не стоит питать иллюзий насчет издателей, а Брайан при всем своем обаянии умел быть безжалостным, когда наступали трудные времена. Не то что его отец – тот был джентльменом во всех смыслах слова.

И вот теперь Брайан стал изгоем. Его не спасли ни обаяние, ни жестокость. Акционеры предпочли ему деньги.

Сол Мердок позволил себе на минуту погрузиться в приятные размышления о людской глупости. И вдруг еще одно знакомое лицо без приглашения всплыло перед его мысленным взором. Нежное заостренное личико, загадочная улыбка, подбородок, опирающийся на две ладошки. Тилли Лайтли. Тилли Лайтли, какой он знал ее двадцать лет назад. Он нахмурился. Тилли Лайтли, хорошенькая, как картинка, и черствая, как сухарь. Как он мог так сглупить?

Бог свидетель, друзья пытались образумить его. Но он уже был очарован всем сразу: порхающей неуловимостью тонкого тела, цепкостью хищных маленьких рук, нездешней своеобразием, которая прикрывала, словно ширмой, непоправимо заурядный ум. Тилли была из тех, кто, входя в комнату, усаживается прямо на пол, с непосредственностью очаровательного ребенка пренебрегая стульями. Тилли, вольная духом, никогда не бродила по пляжу – она носилась, раскинув руки.

И он пленился всем сразу! Он обезумел. Тилли и Сол, плечом к плечу против целого мира, – они качались на качелях в парке, писали тексты на пляжном песке на закате, жевали купленную навынос китайскую еду, излучали любовь, лежа на потертом ковре с цветочным узором на полу его спальни.

В то время она рисовала. И писала стихи. Вспоминая об этом, Мердок поморщился. Тилли без конца что-то царапала и черкала, скрючившись, как бродяжка, в углу где-нибудь на вечеринке или в кафе. И непрестанно говорила вполголоса, словно секретничая, когда они оставались вдвоем: о творчестве, о цельности, о том, как быть верным самому себе, о том, какой потерянной и одинокой она порой чувствует себя – без родных, без эмоциональной поддержки, зато с ним.

Он тоже говорил. Рассказывал ей то, чего сам от себя не ожидал: о своем холодном и отчужденном отце, о матери, которая умерла от передозировки, когда ему было восемь, и оставила в память о себе острую боязнь темноты. О кошмарах, которые до сих пор мучили его. И о боязни, что он никчемный, ни на что не годный обманщик. На ее худой белой груди он рыдал, как дитя. Дурак!

Сол Мердок откинул голову на подголовник и скрипнул зубами. Даже теперь, по прошествии двадцати лет, при мысли о Тилли по его телу пробегала дрожь. О ней и ее дурацком кенгуру с торчащими зубами, который был повсюду, куда ни глянь, – в книгах, на открытках, плакатах, даже среди мягких игрушек. И она будет там. Будет обязательно. В качестве почетного гостя, как и он. Как символ, подобно ему. Символ манипуляций, тщеславия, притворства и ограниченности – ибо такова была Тилли Лайтли прежде. Такой она и осталась. Люди вроде нее никогда не меняются.

Он нахмурился. Перед глазами замелькали светящиеся точки, предвещающая головную боль. Губы беззвучно задвигались, в памяти всплыл звук, которого он привык опасаться.

Женщина, сидящая через проход от него, толкнула своего мужа локтем.

– Смотри, – шепнула она.

Мужчина повернулся в кресле и посмотрел в ту же сторону. Они переглянулись и снова откинулись на спинки кресел.

– Я же тебе говорила, – зашептала женщина. – Это сэр Сол Мердок. Я сразу его узнала, он точно такой, как на фотке в книге Вив. Наверное, новую книгу сочиняет.

– Похоже, у него что-то болит, – отозвался мужчина.

– Такова жизнь творческих людей, – подтвердила его жена. – Дорого она им обходится.

– А я уж думал, он умер, этот Сол Мердок. Давно еще.

– Тс-с!

Барбара Бендикс отмахнулась от мух, вьющихся вокруг лица, хотела окунуться еще раз, но передумала. Вода в бассейне была теплой и мутноватой, от нее саднило глаза. Так или иначе, пора готовиться к вечернему выходу. Через полтора часа она должна быть на месте. Барбара бросила взгляд на юношу, который смиренно жарился на соседнем шезлонге. У Саймона определенно намечается брюшко. И, кажется, его белокурые кудри слегка поредели на макушке с тех пор, как Барбара виделась с ним в прошлый раз. Да, в этом нет никаких сомнений: влажные золотистые пряди слиплись, сквозь них проглядывает розовая плешь. Барбара вскинула брови и вздохнула с искренним сожалением. А раньше был таким милашкой. И симпатичным, и старательным. Ну он и сейчас старается, но это просто удивительно, как быстро усердие теряет всякую притягательность, как только перестает действовать личное обаяние.

Не стоило, пожалуй, прилетать в Сидней на день раньше, чтобы устроить себе маленький праздник вместе с Саймоном. Что было, того уже не вернуть. Нечего и пытаться. Два года назад у них был восхитительный роман. Как бесилась эта девчонка, Кэрл. От этого становилось еще слаще. Но все-таки удачно вышло с переездом в апартаменты в здании «Берри и Майклз». Здесь того и гляди начнется скукота.

Саймон поерзал в шезлонге, его живот слегка затрясся. Он что-то пробормотал и потянулся к ее руке. Она мягко убрала руку и встала.

– Что такое, Барбс? – спросил Саймон, неуклюже пытаясь выпрямиться.

Она мимолетно улыбнулась и послала ему небрежный воздушный поцелуй.

– Мне пора, дорогой. Надо работать. Ты остаешься здесь.

Барбара побрела к дому, волоча за собой полотенце. Она примет душ. Потом, прежде чем одеться, перечитает свои записи о Соле Мердоке и Тилли Лайтли. И в течение нескольких следующих дней не упустит ни единой возможности добавить что-нибудь к этим материалам. Эта тусовка в «Берри и Майклз» – прямо-таки подарок судьбы.

– Барбс?.. – У двери на террасу возник Саймон и заморгал, вглядываясь в полутемную комнату.

Но Барбара уже деловито строила планы, напрочь забыв о его существовании.

Глава 4. Последние ингредиенты

Дороти Хейл с несчастным видом уставилась на свое отражение в зеркале и ущипнула себя за талию. Зеленовато-голубое платье в магазине выглядело так мило со всеми этими мелкими складочками, и продавщица уверяла, что платье идет ей, как будто для нее и сшито. А теперь вдруг оказалось, что все в нем не так и не то. Дороти в этом платье казалась бесформенной, как пуф на ножках. И все из-за сборок на талии. Они полнили, да и цвет казался слишком девчачьим для нее. Как же она могла так оплошать? Дороти опустилась на элегантный табурет, и на нее волной накатила тоска по родине. Дома она всегда брала на шопинг подругу – Джин, или Джуди, или еще кого-нибудь. Они ни за что бы не позволили ей купить такое убожество. А здесь ей не с кем даже словом перемолвиться, не то что побродить по магазинам!

Зеркало отразило ее пухлое расстроенное лицо в окружении жидких и растрепанных седеющих прядей – как ей показалось, резко контрастирующее с видом из окна пентхауса в особняке «Берри и Майклз»: небом без единого облачка, чуть побледневшим в преддверии внезапного австралийского заката, сверкающими водами гавани и белыми парусами крыши Оперного театра. Все здесь чужое. Яркое, блестящее, но чужое. Совсем как длинноногие горластые девчонки в бутиках, броские, но безликие магазины, резкий белый свет, чудовищная жара...

– Дот, они придут с минуты на минуту. Ну что же ты? – Ее муж стоял в дверях и хмурился, поправляя узел безупречного галстука.

Дороти обернулась и глупо заморгала.

– В таком виде я к ним не выйду. Мне нечего надеть, – объявила она и беспомощно пожала плечами.

В три шага Квентин очутился рядом и склонился над ней.

– Дороти, – настойчиво заговорил он ей на ухо, – ну же! У нас нет времени, детка. Ты отлично выглядишь.

– Квентин... – Она вцепилась в его темный рукав. – Квентин, мне здесь не нравится. Мне одиноко... здесь так жарко! Я хочу домой.

– Ради всего святого! – Хейл отстранился, нахмурился и яростно зашептал: – Дот, на это нет времени! Мы же устраиваем вечеринку. Гости вот-вот будут здесь. Нас уже ждут. Соберись, Дороти, а не то...

– Квентин! – послышался приглушенный голос Эми из соседней комнаты. – Лифт уже едет вверх!

– Иду! – Квентин протянул жене руку. По многолетней привычке Дороти послушно взялась за нее, позволила поднять себя с табурета и вывести в гостиную.

Эми ждала возле дверей лифта. Ее золотисто-кремовые руки словно светились, оттененные простотой белого платья без рукавов. Волосы соломенного оттенка были аккуратно уложены, бледно-зеленые глаза, лишенные всякого выражения, остановились на боссе, вошедшем в комнату.

– Прошу прощения, Эми, – произнес Квентин. – Все готово?

– Прием организован, – ответила Эми. – Никаких проблем.

– Вы сокровище, Эми, – заключил Квентин Хейл особенным голосом, который приберегал только для нее.

Дороти снова ущипнула себя за талию, глядя, как желтая стрелочка над дверью лифта медленно переползает с тройки на четверку. Она знала, что лязгающая медная клетка везет чужих людей. Знала, что этот визит не принесет ничего, кроме неловкости и смущения, ей, и напряжения Квентину, для которого прием Большой четверки приобрел символический смысл: таким образом Хейл во всеуслышание заявлял, что теперь он тут главный. Все это

Дороти понимала и честно старалась взять себя в руки, теряясь среди великолепия директорского пентхауса, которому никогда не стать для нее домом. Но она и представить не могла, что вскоре в ее новую жизнь войдут страх и ненависть. И ни в коем случае не думала об убийстве.

Кейт сидела в своем захламленном кабинете на втором этаже, стараясь не выдать беспокойства. На часах 18:15. Ей давно следовало быть наверху – встречать гостей, разносить угощение, улыбаться, поддерживать порядок и спокойствие, если понадобится.

Но Пол Моррисси словно не замечал, что час уже поздний. Он разглагольствовал, жестикулируя в воздухе длинными пальцами, и повторял одни и те же жалобы. Кейт уже сказала ему все что могла, и добавить ей было нечего. Да, книга продавалась со скрипом, но романы начинающих авторов печально известны тем, что расходятся медленно, и ситуация с «Нечаянными людьми» обстоит не хуже и не лучше, чем с большинством других. Да, рекламный отдел разослал экземпляры книги всем рецензентам из списка Пола и многим другим. Да, действительно, один из книжных магазинов, о котором упоминал Пол, заказал его книгу и не получил свой заказ, но лишь потому, что владельцы этого магазина уже несколько месяцев не оплачивали предыдущие заказы. И да, Сол Мердок едко и уничижительно разнес роман в длинной статье в «Книжном обозрении», и с этим уже ничего не поделаешь. Абсолютно ничего. И какой бы несправедливой, предвзятой, полной искаженных представлений и ошибочных выводов ни была статья...

Зазвонил телефон Кейт, и она с облегчением поспешила ответить на звонок, движением бровей извинившись перед беднягой Полом, который откинулся на спинку стула, и длинная жидкая прядь темных волос свесилась ему на глаза.

– Кейт, где вы? Вы же должны быть здесь!

Звонил Малькольм Пул – судя по голосу, он был не в себе. Кейт едва сдержала улыбку. Проблемы с самого начала? Если он и рассчитывал на ее помощь, то зря.

– Я занята с автором, Малькольм, – спокойно объяснила она и взглянула на часы. Пол Моррисси сделал то же самое. – Приду, как только смогу.

Пол расслабился и небрежным жестом отвел волосы со лба. Он знал о вечеринке, устроенной Квентином, но уходить не собирался. Сказать по правде, Кейт несколько не сомневалась, что Пол явился намеренно, в знак протеста, поскольку был исключен из группы избранных, сейчас развлекавшихся наверху. И хотя на завтрашний вечерний прием пригласили и его, но ему явно досаждала шумиха, поднятая вокруг Большой четверки. Как и многим другим авторам, и Кейт не винила их за это.

– Кейт, вы обязаны прийти. Видите ли... секунду.

Послышался стук – Малькольм выронил трубку телефона, затем приглушенный шум усилился. На его фоне выделялся знакомый голос – хриплый, почти рычащий, перебиваемый взрывами хохота. Кейт знала, кому он принадлежит – весельчаку Джеку Спротту, другу садоводов: судя по всему, он пребывал в привычном для него состоянии. Неудивительно, что Малькольм встревожился. На этот раз она все-таки улыбнулась, несмотря на тревогу и напряжение, бултыхавшиеся на протяжении последних недель у нее в животе.

Вновь послышался стук, и Малькольм хрипло зашептал:

– Квентин говорит, если не можете отделаться от него... или от нее... в общем, неважно, ведите его наверх.

– У меня Пол Моррисси, Малькольм, – сообщила Кейт особенно ровным, предостерегающим тоном, которым пользовалась вся редакция, когда некорректность или даже катастрофа были неминуемы.

– Кто?.. А, молодая поросль. Ну ладно. Ведите его сюда. Приходите сейчас же.

– Малькольм...

– Слушайте, Кейт, мне пора. Квентин зовет.

В телефоне что-то шелкнуло, голос Малькольма пропал.

Кейт посмотрела на обмякшего Пола Морриса, который невидящим взглядом изучал пейзаж за окном.

– Начальство зовет, – сообщила она, поднялась и взяла сумочку. – Мне пора наверх, Пол. Извините.

Моррис не шевельнулся, и на миг ей показалось, что сейчас он откажется покидать ее кабинет. Но Пол горько усмехнулся и тяжело поднялся.

– Конечно, Кейт. Сожалею, что отвлек вас от дел в «высших сферах». Ладно, пойду. До встречи на завтрашней толкучке.

– Ну что вы, какая толкучка, Пол! Всего-то сто пятьдесят человек вместо пятисот. Приглашения на вес золота! – Кейт спохватилась, что ее слова прозвучали резковато, и с досадой пожала плечами. – Столько народу расстроилось, не получив приглашения, – добавила она. – И названивали сюда неделями. Я ужасно устала от всего этого.

– Вот как? – Пол ничуть не смягчился.

Кейт осторожно пробиралась по полутемному безлюдному коридору к лифту.

– Вам сюда, вниз, Пол. А мне наверх по лестнице. – Она порылась в сумочке в поисках зеркальца и расчески. Прихорашиваться перед зеркалом в туалете было некогда, но лучше все-таки убедиться, что волосы не стоят дыбом, а на лице нет следов корректирующей жидкости.

По крайней мере, одета Кейт соответственно случаю. Сегодня, собираясь на работу, она знала, что переодеться будет некогда. А вот Эми Файбс нашла-таки время, с кислой миной отметила она. Как раз перед приходом Пола Кейт видела, как Эми продефилировала по коридору – дивное видение в белом. Сама организованность Эми Файбс. Сама организованность Малькольм Пул. Сцилла и Харибда, как прозвала их Иви. Да, славная парочка. Оба начали нестерпимо раздражать Кейт уже через неделю после знакомства, и чем дальше, тем сильнее. Да где же это зеркало! Ее сумка – прямо зона стихийного бедствия.

– Лифт наверху, – недовольно заметил Пол. Он стоял, ссутулившись, и смотрел на желтую стрелку над их головами.

Не успел Моррис договорить, как сверху раздался лязг, и лифт пошел вниз.

– А, вот оно где, – оживилась Кейт, к счастью нащупав в сумке искомое. Она выудила зеркало и принялась поправлять прическу.

Пол бесцеремонно наблюдал за ней, склонив голову набок.

– Полагаю, заглядывать к Иви нет смысла, – произнес он.

– Иви уже наверху, Пол, – извиняющимся тоном объяснила Кейт.

– Ну разумеется. – Его капризные губы дернулись в усмешке.

Лифт остановился, наружная дверь отъехала в сторону. В глубине кабины нарисовалась фигура флегматичного Сиды – швейцара, помощника в отделе корреспонденции, всеобщего мальчика на побегушках на протяжении всех сорока лет его работы в «Берри и Майклз». Сид моргал, молча глядя на них.

– Сид, вы не отвезете Пола вниз? – спросила Кейт. – А я пойду по лестнице.

– Тот малый велел привезти наверх вас обоих, – на одной ноте пробубнил Сид. – На лифте. И вас, и вашего приятеля.

– Да?.. – Кейт в замешательстве осеклась.

– Так-так... – Пол преспокойно вошел в лифт, пригладил волосы и взглянул на Кейт вопросительно и торжествующе. – Вы едете, Кейт?

Кейт, которую так ловко перехитрили, пожала плечами и улыбнулась. Она вошла в лифт и встала рядом с Сидом. Тот неторопливо повернулся к ней.

– Он сказал привезти вас обоих, – громко повторил Сид. – Вас и...

– Да-да, Сид, все правильно. Спасибо. – У Кейт вспыхнули щеки. Понял ли Пол, что она пыталась его спровадить? Растерянность грозила перерасти в легкую истерику, когда Кейт

вдруг поймала себя на том, что улыбается во весь рот. Лицо Иви при виде вновь прибывшего – это будет нечто. Чудовищная каша, над рецептом которой Ивлин с горечью посмеивалась на протяжении шести недель, уже закипала. И вот теперь Кейт, которая осуждала эту затею с самого начала, везла последний, неожиданный и взрывоопасный ингредиент. Эту шутку Иви наверняка оценит по достоинству.

Глава 5. Воссоединение

Тем временем в элегантных апартаментах наверху вечеринка для избранных, которую с таким удовольствием предвкушал Малькольм весь прошлый месяц, была уже в разгаре. Барбара Бендикс в черном декольтированном платье, позвякивая браслетами до локтей и гигантскими серьгами-обручами, потягивала шампанское и с улыбкой наблюдала, как белокурая и хрупкая Тилли Лайтли в китайской шали шушукается с Квентином Хейлом и сэром Солом Мердоком. Звучала тихая музыка, незаметный и ненавязчивый официант скользил по залу, словно на коньках, пенилось шампанское. Все происходило точно так, как и планировал Малькольм. Впрочем, не совсем так.

Пул скрипнул зубами. На каждом шагу возникали проблемы. Что бы ты ни делал, как бы старательно ни выполнял свою работу, всегда найдутся люди, которые обязательно ее изгадят.

Малькольм с тоской засмотрелся на блистательную группу с Квентином в центре, расположившуюся возле камина. Вот где следовало быть и самому Малькольму. Это его звездный час. Он заслужил место по правую руку Квентина, среди значимых людей. А ему, словно жалкой шестерке, пришлось составлять компанию каким-то отбросам общества, в то время как проклятая ледышка Эми Файбс преспокойно торчала рядом с Квентином и вела себя как хозяйка.

Дочь Тилли Лайтли, Сара, или как ее там, в полном одиночестве стояла будто в воду опущенная. Ее неприкаянность слишком бросалась в глаза. Какого черта она хотя бы не попытается пересилить себя, раздраженно думал Малькольм. Такая рослая и крупная особа, а ведет себя как робкая крошка мисс Маффет. Жуть. Тилли еще в аэропорту шепнула ему, что Сара немного застенчива. Ну и что, мало ли таких? Но ведь можно хотя бы попробовать взять себя в руки, верно? А не стоять столбом в ожидании, когда кто-нибудь другой примет решение за тебя. Этак вообще ничего в жизни не добьешься. Вот черт, надо бы все-таки еще раз подойти и занять ее разговором.

А как там Джек Спротт? Малькольм нервно оглянулся. Дороти Хейл по-прежнему была надежно приперта к стене. И выглядела, как обычно, убого в каком-то линияло-голубом платье с оборочками. Тоже хороша! Ничем не лучше Сары Лайтли. Растрепанные волосы висят сосульками, глаза остекленели. Какую обузу тащит на себе Квентин! Но по крайней мере Дороти хватается ума вести себя тихо. Видимо, так они условились с Квентином. И, в отличие от Сары Лайтли, от Дороти есть хоть какая-то польза.

В настоящий момент Дороти отвлекала внимание весельчака Джека Спротта – краснолицего коротышки, похожего на гнома, с необъятным брюхом, в затрапезном зеленом костюме и заляпанном галстук. Заметно пошатываясь, он излагал Дороти какую-то запутанную историю времен войны во Вьетнаме. С каждым жестом, которым Джек пытался проиллюстрировать тактическую диспозицию, еще немного шампанского выплескивалось из его бокала на ковер, галстук и ботинок. Несколько икринок прилипли к углу его рта, как гротескные мушки. Однако Спротт был страшно доволен собой.

Минуту Малькольм наблюдал за Джеком: да, вне всяких сомнений, он вдрызг пьян. Когда же он успел наклюкаться? Какая удача, что сегодня не позвали фотографов. Видно, старик перенервничал, или что-нибудь в этом роде. Малькольм сжал свой бокал с теплой газировкой, чувствуя себя беспомощным.

Барбара Бендикс визгливо рассмеялась. Джек Спротт круто обернулся на эти звуки, пошатнулся и опрокинул бокал себе на рубашку. Малькольм поспешил на помощь, мимоходом отметив гримасу брезгливого отвращения на лице Сола Мердока, гневный румянец Квентина и широкою, злорадную ухмылку Барбары. Внезапно Малькольм разозлился. Почему от Иви Ньюэлл нет никакой помощи? Стоит себе с понимающим видом, болтает с официантом!

Господи, да кто бы сомневался! Ревнует, конечно. Только потому, что идеи Пула предпочли ее жалким шаблонным планам. А где Кейт Делейни? Внизу, тратит время на очередного незадачливого писака вместо того, чтобы хоть чем-нибудь помочь здесь! Никакой лояльности, ни малейшего представления о приоритетах. Малькольм с ужасом почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

– Да брось ты, дружище, не стоит! – Джек Спротт смахнул капли шампанского со своего мерзкого галстука, хитро поглядывая на Малькольма тусклыми голубыми глазками с красными прожилками. – Вреда от него никакого. А мне не помешает охладиться, верно, дорогуша?

Дороти Хейл, услышав такое к ней обращение, заулыбалась и нервно хихикнула, опасно скосив глаза на остальных присутствующих. Почему-то ей казалось, что она в ответе за этого человека, который с самого прихода сюда прилип к ней намертво, словно ракушка к днищу судна.

Сказать по правде, рядом с ним Дороти в каком-то смысле чувствовала себя уютно. Джек напоминал ей дядю Уолтера в прежние времена. Дядя Уолтер был всегда не прочь выпить. И часто рассказывал о войне, только о Первой мировой. Но он был веселым и добрым, подхватывал Дороти на руки, стискивал в медвежьих объятиях на Рождество и всех семейных сборах, прижимал щекой к шершавому, пропахшему табаком пиджаку и гулко хохотал, обдавая пивным духом.

Дороти невольно улыбнулась. Добрые старые времена. Родительский магазинчик на углу и квартира над ним. Денег не то чтобы много. Ровно столько, чтобы свести концы с концами, как она понимала сейчас. И все-таки... счастливые времена. В то время она определенно была счастливой. Юной, хорошенькой, хотя красавицей в семье считалась сестра Дафна. Бедняжка Дафна была в юности настоящей очаровашкой, беленькой, как ангелочек. И мальчишки стали ухаживать за ней первой, хоть она и была двумя годами младше.

Но не Дафна, а симпатичная двадцатилетняя брюнетка Дот стояла за прилавком в тот день, когда в их магазин зашел Квентин Хейл – худой, с узким лицом, энергичный молодой продавец шоколадного печенья в залоснившемся костюме. Смешно вспоминать об этом и видеть, каким он стал теперь – преуспевающим, холемым и элегантным. А когда-то развозил шоколадное печенье, и зачастую в кармане у него не было ни гроша. Папа тогда взял у него немного печенья на пробу. Его раскупили, хоть Дот оно не очень понравилось, и Квентин пришел еще раз, и еще. В третий раз он пригласил ее на чай и в кино. Так все и началось.

Когда Квентин сделал ей предложение, папа обрадовался. «Из него выйдет хороший добытчик, Эм, – сказал он маме, расплакавшейся тем вечером у плиты. – Мало найдется таких же, как он, решительных и амбициозных коммерсантов. Он далеко пойдет. Замахиваться на большее Дот ни к чему».

Но Дот до всего этого не было дела. Она знала только, что отдала свое сердце Квентину Хейлу в первый же день, когда он, одетый в костюм не по размеру, появился в ее жизни и посмотрел на нее поверх прилавка. С этой самой минуты ему достаточно было лишь протянуть руку, и она отправилась бы за ним хоть на край света.

И вот теперь это произошло.

Дот обвела взглядом синюю с золотом комнату, официантов, разодетых гостей, цветы, закат за панорамными окнами. Тридцать пять лет прошло, а они до сих пор вместе, она и Квентин. Дороти за это время не изменилась. Не было причин. Все эти годы она потратила на дом, их сыновей, своих подруг и на всевозможные домашние нужды Квентина.

Зато Квентин изменился. Переключился с печенья на канцтовары, с канцтоваров на книги. Двигался вверх по карьерной лестнице в «Голд Групп» – продажи, маркетинг, менеджмент. Грузнел, приобретал лоск, черствел, взгляд становился недоверчивым. Он вращался среди людей, о которых пишут в газетах. Как и предсказывал папа, Квентин далеко пошел,

несмотря на самую заурядную школу, пролетарский выговор... и все прочее, что так много для него значило.

Не то чтобы это восхождение далось ему без труда. И если уж на то пошло, до самых верхов он так и не добрался. Но, конечно, здесь, на другом континенте, выговор не имел значения. Почти все вокруг изъяснялись так, как старый Джек Спротт, даже дикторы, читающие новости, даже сам премьер-министр. Может, поэтому Квентин и рвался сюда, может, поэтому и согласился возглавить «Берри и Майклз»?

Дороти переступила с ноги на ногу в тесных зеленовато-голубых туфельках, купленных вместе с платьем. Ей казалось, что если Квентин счастлив, то и она будет счастлива. Что смена обстановки пойдет ему на пользу. Но нет, ничего из этого не вышло. Взгляд ее блекло-голубых глаз на минуту остановился на фигуре мужа. Положив руку в карман пиджака, он беседовал с рослым, чем-то встревоженным мужчиной – известным писателем, сэром Солом Мердоком, Барбарой Бендикс – черноволосой и развязной, сплошь увешанной украшениями, и миниатюрной детской писательницей Тилли Лайтли, стрекочущей без умолку. Дороти отметила, что Квентин, кажется, чем-то сильно взволнован. Она вздохнула. Как все стало непросто.

За спиной Квентина маячила стильная фигура в белом. Эми. Она подалась вперед, что-то негромко произнесла, и мягкие блики света заиграли на ее волосах соломенного оттенка. Квентин наклонился к ней, внимательно слушая и улыбаясь, ничего не замечающая Тилли продолжала щебетать, а Барбара Бендикс наблюдала за остальными, как кошка, почуявшая, что в норе зашевелилась мышь. Дороти невольно поджала губы. Да, жизнь жестока. Особенно к женщинам.

– Так о чем это я... – Джек Спротт хитро взглянул на нее, вторгаясь в ее размышления. Дороти вдруг заметила, что к ним присоединились еще двое – Кейт Делейни, милая девушка из издательства, и рослый, довольно угрюмого вида молодой человек.

– О, не беспокойтесь. – Дороти смутилась. – Здравствуйте, Кейт, мы с вами еще не виделись, дорогая. А это ваш?..

– Я припозднилась, Дороти. Нет, это не Джереми. – Кейт улыбнулась. – Познакомьтесь с нашим автором Полом Морриси. Пол, это Дороти Хейл.

Молодой человек коротко кивнул, нервно откинул со лба жидкую длинную прядь волос и беспокойно заозирался по сторонам.

– Я тут рассказывал Дот про Вьетнам. Как пить дать замучал ее до смерти, Кейт. Не удержался, – радушно заулыбался Джек Спротт. – Вы же меня знаете, Кейт. Нигде не видно этого малого, официанта? Мне позарез нужна дозаправка шипучкой. Тут у нас случилась авария. – Он указал на рубашку со свежим пятном от шампанского.

– Ой, какая жалость! Ну ничего, официант сейчас наверняка подойдет, Джек, – поспешно заверила его Кейт, бросив настороженный взгляд на Дороти. – А вы пока съешьте что-нибудь. Как ваши дела?

– Да так, всяко-разно, – неопределенно ответил Джек Спротт и уставился в пустоту. – Кстати, я ждал вас, Кейт.

– Меня? – На миг Кейт пришла в ужас, но быстро спохватилась. – Ах да, мемуары. Джек, конечно, теперь уже скоро. Просто я так закрутилась, эм-м... извините, что мы заставили вас ждать...

– Да знаю я, что вам, женщинам, про войну неинтересно. Все знаю. – Джек Спротт оближал губы, наконец-то слизнув икринки с уголка рта, и заговорщицки подмигнул Полу. Пол неловко кивнул. Стало ясно, что о мужской солидарности с Джеком Спроттом и ему подобными он прежде как-то не задумывался. – Битвы, рейды, испытания для настоящих мужчин и все такое – это не для вас. Дайте почитать кому-нибудь из парней, Кейт. – Спротт придвинулся ближе и заговорил серьезно, выражение его лица вдруг стало почти официальным: – Шутки в сторону: это ценный документ, дорогуша. Вьетнам глазами одного человека. Там пол-

ным-полно потрясающих моментов, что есть, то есть. Бог мой, когда я все это раскопал, я прямо перенесся в прошлое. К нашим парням... Вы не представляете себе, что мы вынесли и каково нам пришлось. Слушайте, дорогуша, – он положил пухлую пятерню на руку Кейт, – женщинам просто не понять, что это за жизнь, через что проходят мужчины на войне. Вы же с этим никогда не сталкивались.

Дороти Хейл подняла усталые глаза.

– Да, с этим мы не сталкивались, – негромко отозвалась она. – Но есть и другое. – Дороти бросила краткий взгляд на мужа. – Женщины сражаются дома, там, где их место, – пробормотала она. – Всегда, когда хотят защитить то, что им дорого. Они на это способны.

Джек Спротт благодушно улыбнулся.

– Да-да, конечно, тут вы правы, Дот. Матери защищают свое потомство – да, и этому можно поучиться у любой оценившей себя суки, – громко заключил он.

Дороти отвернулась.

Джек наклонился к Кейт и прикрыл рот ладонью.

– Славная старушенция, – прошептал он ей в ухо. – Перебрала, похоже, а вы как думаете? Кейт прикрыла глаза ладонью. Пол Моррисси неловко, бочком отошел в сторону.

– Прочитайте мою книгу, Кейт, и позвоните, ладно? Я хочу издать ее. Ее надо издать. Если понадобится, я заплачу за издание, черт подери! А, вот тот парень, которого я искал. Не плеснешь старику шипучки, сынок? Спасибочки. – Джек разжился полным до краев бокалом и засиял. – Знаете что, Кейт, расскажу-ка я вам одну историю... – И он монотонно и сипло забубнил.

Кейт беспомощно стояла на месте, машинально кивая и наблюдая за тем, как наконец освободившаяся Дороти Хейл нерешительно прошла через комнату, помаялась около группы гостей, где главенствовал ее муж, а потом направилась к одинокой фигуре, неподвижно стоящей возле дивана, – наверное, к дочери Тилли Лайтли, хотя в их родство верилось с трудом. Дороти кивнула ей и дружелюбно улыбнулась, предлагая поболтать.

Хороший она все-таки человек, подумалось Кейт. Сразу видно, что заботится о чувствах окружающих. А явная любовь Дороти к Квентину Хейлу заставила Кейт задуматься о том, что и в нем должно быть хоть что-то хорошее.

Познакомившись с миссис Хейл, Кейт невероятно удивилась. Как и все остальные. Совершенно неожиданно Дороти оказалась доброй и простой домашней клушей абсолютно заурядной внешности. Прямой противоположностью жене, какую, казалось бы, полагалось иметь Квентину Хейлу. Прежде всего, она выглядела лет на десять старше его, говорила с милым английским провинциальным акцентом, вела себя скромно и ненавязчиво. Все разговоры Дороти сводились в основном к сыновьям, их женам и внукам, а также к своей жизни на родине. О Квентине она говорила так, словно он – обычный человек со своими слабостями, как и все вокруг, а не лощеный и чопорный гордец, заплывший в странную, но дружескую атмосферу «Берри и Майклз», словно большая серая акула в маленький оживленный аквариум.

Кейт вздохнула и задумалась, действительно ли ее срок службы в издательстве подходит к концу. Будущее не предвещало ничего хорошего. Брайан ушел. Иви твердо решила, что уйдет. Уже появились другие предложения. Может, стоило бы...

– Эй! – Локоть Джека воткнулся ей в бок. – Я вот о чем... – Он пошатнулся, наклоняясь к ней, и Кейт едва удержалась, чтобы не отвернуться. Так и есть, упился в хлам. Скорее всего, успел нализаться еще до прихода на вечеринку. – Я вам так скажу, Кейт: я тут решил перемолвиться словом с большим белым вождем. И вы тоже пойдете. Обеспечите мне моральную поддержку. – Он впился в нее взглядом. – Надо же расположить его к себе, так?

И, схватив Кейт за руку, заковылял в сторону группы, окружающей Квентина Хейла.

– Джек! Подождите, я думаю, что...

– Да не бойтесь вы начальства, Кейт, – убеждал ее Спротт сценическим шепотом, гарантированно долетающим до дальних углов комнаты. – Вам же все равно надо познакомиться с дамами, которые с ним, и с тем малым тоже. Как-никак вы издаете книжки, которые они понаписали. Вроде бы детские сказки. Нет, ну парень-то пишет другое. Настоящее. Сам я не читал, но, говорят, здорово пишет. Этот пацан, как его, Малькольм, дал мне одну поглядеть. И книжки девчонок тоже. А вы читали у них что-нибудь?

– Да-да, разумеется, – забормотала Кейт, спотыкаясь.

Джек достиг цели и неожиданно возник, коренастый и лоснящийся от испарины, между Квентином и Тилли.

Квентин улыбнулся, демонстрируя все имеющиеся у него зубы.

– Джек! – гулко и душевно воскликнул он. – Все хорошо?

– А у вас? – хитро прищурился весельчак Джек Спротт, кивая и с сияющей улыбкой оглядывая всех по очереди. – В жизни так не веселился! Давно пора было чуток пообщаться, да?

– А как же! – подтвердил Квентин и отступил на расстояние, превышающее дальность полета слюны увлекшегося собеседника. – Обязательно надо узнать друг друга поближе. Нам предстоит несколько отличных дней! Вы ведь уже знакомы со всеми, верно?

– В точку! – Джек старательно подмигнул Тилли и накрыл ее руку пухлой ладонью. – Мы с Полли, Солом и Барби познакомились еще в лифте – да, дорогуша?

Тилли Лайтли улыбнулась и ответила невнятно, многозначительно глядя на Кейт.

– Нет-нет, Джек, – уловив намек, поправила Кейт. – Не Полли, а Тилли. – Она бросила беспокойный взгляд на Квентина, профессионально исполненная улыбка которого, казалось, примерзла к лицу.

– «Ну-ка, Тилли, чайник ставь!»¹ Тоже подходит, правда? – выпалил Джек и покатился со смеху, очень довольный собственным остроумием. – А память-то меня подвела. Тилли, вон оно как. И Сол. Верно?

Сол Мердок, которому явно стало неловко, кивнул. Барбара Бендикс рассмеялась и сцапала последнее печенье с блюда на полке над камином.

– Валийте, Джек, устройте себе экзамен, – посоветовала она с набитым ртом. – Кто у нас остальные?

Обрадованный Джек завертелся на месте.

– Годится! – И, прищурившись, посмотрел в дальний угол комнаты. – Ладненько, значит. Итак... Вон тот пацан, как бишь его, распорядитель – а, Малькольм, и с ним ваша девчонка, Квентин, Эми... о, и старушка Иви здесь. Кейт, с кем это она?

– С Полом Моррисси, – вполголоса подсказала Кейт, быстро взглянув на строгое лицо Сола Мердока и увидев, как на нем резче обозначились морщины.

– Ну да... а вот и ваша женушка, Квентин. И говорит она с... а это еще кто? Что за дородная девица, а? Вроде бы она ехала с нами в лифте. Это кто же такая, Квентин? Еще одна ваша подружка?

Квентин прокашлялся.

– Это Сара, Джек. Моя дочь, – негромко произнесла Тилли Лайтли и с предостерегающей улыбкой вскинула подбородок.

– Симпатичная, – отозвался Джек Спротт. – Но я, признаться, нипочем бы не дотумкал. А вы, Сол?

– Девушка очень милая, – ледяным тоном произнес Сол Мердок. – Но я бы тоже не догадался.

Улыбка на лице Тилли стала настороженной, а на лице Барбары – шире прежней.

¹ В популярной английской песенке чайник ставит Полли (Здесь и далее примеч. пер.).

Последовала краткая пауза. Джек растерянно огляделся, потом снова посмотрел на Сару Лайтли.

– А забавно, знаете ли, – начал он и принялся грызть ноготь на большом пальце. – Кажется, я уже где-то видел вашу дочку, или она мне кого-то напоминает. Но кого? Кого же, кого... – Его голос затих, веки затрепетали и опустились, рука с бокалом шампанского безвольно повисла.

– Джек! – Кейт торопливо поддержала его руку. – А пойдёмте поговорим с Иви! Вы же ещё...

Глаза Джека вдруг открылись.

– Просто задумался, Кейт. А вы небось решили, что закемарил, да? Думали, наклюкался? Нет уж, я стреляный воробей! Так вот... – Он снова уставился на высокую девушку, беседующую с Дороти. – Сара Лайтфут. Сара Лайтфут...

– Лайтли, – шепнула Кейт, мучимая неловкостью, досадой и непреодолимым желанием расхохотаться в голос.

– Лайтли. Сара Лайтли... так... о нет! Не может быть! – Джек обвел взглядом лица присутствующих и засиял. – Вы не поверите!

– Что такое, Джек? – Барбара подалась вперед, ободряюще улыбаясь.

– Ей-богу, если она Сара Лайтли, то это, должно быть, матушка Крольчиха! – завопил Джек Спротт и заключил Тилли в объятия.

Глава 6. Скандалы

Объятия Джека Спротта вряд ли доставили бы удовольствие большинству женщин, и Тилли, забывшись от неожиданности и потрясения, повела себя самым естественным образом – завизжала, принялась вырваться и яростно бить в грудь обидчика кулаками. Гости застыли как вкопанные, глупо разинув рты. Даже Барбара Бендикс на миг оторопела.

Раскрасневшаяся Тилли наконец сумела высвободиться, откинула со лба волосы и плотнее закуталась в китайскую шаль.

А Джек, забыв о ней, продолжал взывать к Саре, которая, как и следовало ожидать, изумленно взирала на него и отказывалась идти на зов.

– Эй, эй! – хрипло вопил Джек, всюду размахивая руками. – Сара Лайтли! Иди же скорей сюда, познакомься с дядей Джеком!

– С дядей Джеком? – Барбара Бендикс оживилась в предвкушении, ее глаза коварно заблестели, подвижное лицо стало внимательным и заинтересованным. Она склонилась к Тилли, позвякивая серьгами и предъявляя умопомрачительную ложбинку в вырезе платья. – Давно потерянный родственник, Тилли, – засияла улыбкой она, потрепав собеседницу по руке. – Как интересно!

Тилли шагнула ближе к Квентину, в его спасительную тень, и что-то сказала ему вполголоса.

– Джек! – Кейт в отчаянии дергала Спротта за рукав, но он твердо решил довести свое дело до конца.

– Ну что же ты, Сара? Дай-ка на тебя посмотреть! Я ведь знал твоего папку! Правда знал! Да еще как! Иди скорей сюда, скажи «здрасьте»!

Бледное, отрешенное лицо Сары Лайтли вдруг налилось нежным румянцем. Тусклые глаза стали круглыми, губы приоткрылись. На минуту она совсем забылась, и ее лицо перестало быть надутым и хмурым. Сара стремительно шагнула к размахивающему руками Джеку. Он едва доходил ей до плеча и в своем возбуждении был похож на гнома больше, чем когда-либо.

– Улыбнись! – приказал весельчак Джек Спротт. – Ну же, не стесняйся, дорогуша!

От неожиданности Сара изобразила полуулыбку, показав длинные передние зубы, и Джек ухмыльнулся и обернулся к остальным, указывая пальцем:

– Вот так-то! Копия! – захихикал он. – В точности как у ее папаши! Знакомая улыбка, я так сразу и понял! Видите? Кролик Лайтли, так мы прозвали его в части – из-за зубов, ясно вам? Ну и ну, кто бы мог подумать! Да еще после стольких лет! Сара, малышка-крольчишка собственной персоной! И совсем уже не малышка, да?

Девушка густо покраснела. С несчастным видом покачав головой, она терпеливо ждала, остро сознавая, что стала центром всеобщего внимания, и страшно смутившись из-за этого.

– Твой отец тоже был рослым и крепким малым, – продолжал Джек. – Здоровенный он был, да, Тилли? Хороший человек. И отличный товарищ. – Джек умолк, и в его глазах заблестели слезы.

– Вы были вместе с Алистером во Вьетнаме, – негромко подтвердила догадку Тилли Лайтли. Ее глаза на маленьком личике казались огромными. Плечи вздрагивали под тонкой шалью.

– Ели вместе, спали вместе, сражались вместе, чуть не погибли вместе, дорогуша. – Джек Спротт машинально утер глаза рукавом. – Эх, Кролик Лайтли... Его всегда звали Кроликом – из-за вот этого, – он постучал по своим передним зубам. – О, я хорошо его знал. Как самого себя. Смешной! Весело с ним было, как в цирке. Обхохочешься! Умел он нас уморить – байки травил, дурака валял, боевой дух поднимал, прозвища давал, да такие, что прямо смех. Мы с ним сразу стали не разлей вода.

– Как интересно, Джек! – Настороженное и ехидное лицо Барбары Бендикс оживилось. – Видно, он был забавным человеком. И вы с ним, наверное, похожи по характеру. Тилли никогда о нем не рассказывала. А я и не подозревала, Тилли, что ваш муж был душой компании, совсем как Джек. Как вам повезло.

Тилли покраснела. Кейт с беспокойством посмотрела на Сару Лайтли, но та либо не уловила тон Барбары, либо предпочла пропустить его мимо ушей. Она с явным интересом изучала Джека.

– Как приятно встретить того, кто близко знал папу, – отозвалась Сара, не глядя на мать. – Нам... мне редко представляется возможность поговорить о нем. Никто... – Она осеклась, встревоженно покачала головой и продолжала: – Из Вьетнама он вернулся, когда мне было два года, а погиб, когда мне исполнилось всего шесть, поэтому у меня сохранились лишь смутные воспоминания. И несколько фотографий.

– Жаль, что мы не поддерживали связь. – Джек покачал головой. – Занятно, что такое вообще случается, да? Но ты же знаешь, дочка, как это бывает – вернулись, и разнесло нас на тысячи миль друг от друга. И каждый пошел своей дорогой. У каждого на родине своя жизнь, свои беды... – Он помолчал, потом повернулся к Тилли и сделал укоризненный жест пальцем. – Но вы-то должны были связаться с нами, дорогуша, когда его не стало. Ужас. Такой молодой. Я узнал об этом только на встрече однополчан через десять лет.

Тилли прикусила губу.

– Мне очень жаль, – с явным усилием выговорила она. – Но, честное слово, я понятия не имела о вашем существовании, Джек. После возвращения домой Алистер ни разу не заговаривал о Вьетнаме. – Прикрыв глаза, она слегка вздрогнула. – У него была трепетная душа. Мне кажется, ему было больно даже... даже думать о былом. К тому же он знал, как это отразилось бы на мне. Сара подтвердит, что я всегда была слишком чувствительна к подобным вещам. Просто не могла вынести. Только не я. Он знал это и помнил, через что я прошла в бесконечном ожидании. Совсем одна, почти без средств, зато с избытком времени для размышлений... Если бы не Сара и не моя работа, не знаю, что бы со мной было. – Она покачала головой и потупилась, глядя на свои крошечные туфельки без каблучков.

На лице Сары отразилось огорчение, все вокруг почтительно притихли. Все, как отметила Кейт, кроме Сола Мердока, который смотрел на Тилли, брезгливо скривив губы, и Барбары Бендикс, взгляд которой стал расчетливым.

– Но вы все-таки выжили. Ведь так, Тилли? – холодно произнес Сол, развеяв чары. – И нашли способ развлечься и скоротать время?

Она слегка вздрогнула, потом выражение ее лица смягчилось, стало умоляющим и беспомощным.

– Надо же мне было чем-то заняться, – пробормотала Тилли. – Жить одной с ребенком, которого надо растить, непросто. Ради Сары и Алистера я должна была держаться.

– А как же, дорогуша, – согласился Джек, похлопав ее по руке влажной ладонью.

Но лицо Сола по-прежнему казалось каменным.

– Так вы, значит, вышли замуж совсем юной, Тилли? – спросила Барбара Бендикс теплым и заинтересованным тоном, какого Кейт ни разу прежде от нее не слышала.

Тилли улыбнулась своим воспоминаниям.

– О да, – подтвердила она. – В двадцать лет. Когда еще училась в университете. Алистер работал, постоянно был в разъездах, занимался продажей... ну, по сути дела, кухонной техники. Ему тоже было двадцать. Мы любили друг друга еще со школы. А когда его призвали, я взяла и сказала ему: пойдём и поженимся, и я буду тебя ждать. Нам казалось, так будет правильно. И мы сразу решили, что у нас будет ребенок, прямо сразу же. В таких делах мне всегда недоставало благоразумия и практичности.

– Не может быть, – восхищенно улыбнулась Барбара, и в голове Кейт забил тревожный набат. Она переглянулась с Иви, привлеченной всеобщим волнением и подошедшей вместе с Полом Морриси поближе.

– Сара, конечно, не помнит, какими они были, эти первые годы, – продолжала Тилли с легким вздохом. – И даже когда Алистер вернулся, она его почти не видела. По работе ему приходилось много ездить, к тому же он был страшно измучен тем, что повидал и пережил...

– Я много виделась с ним, мама, – вспыхнув, возразила Сара. – Почти каждые выходные. И он далеко не всегда грустил. Помню, как он приезжал домой, играл со мной, водил гулять, рассказывал смешные истории, покупал мне что-нибудь и...

– А, ты об этом. – Взмахом руки Тилли отменяла воспоминания дочери. – Само собой, он считал нужным скрывать от тебя истинные чувства. Но я-то говорю о настоящем Алистере. Только я знала его. Когда он вернулся с войны, от него осталась лишь пустая оболочка.

– Мама... – начала Сара, но Тилли покачала головой:

– Понимаю, дорогая, понимаю. Легко преклоняться перед тем, кого ты почти не знаешь. Гораздо проще, чем понять и оценить старания того, кто изо дня в день заботился о тебе, когда ты была еще крошкой. Того, кто был вынужден держаться и идти вперед. Да ведь? И так было всегда. – Она окинула мудрым взглядом собравшихся, и полуулыбка затрепетала на ее губах.

Сара отвернулась.

– Вам, Тилли, наверное, пришлось очень тяжело, пока ваш муж воевал во Вьетнаме, – покачала головой Барбара. – Ума не приложу, как вы справлялись с ребенком, да еще учились в университете. Вы ведь, если не ошибаюсь, почти сразу уехали в Перт?

Тилли помедлила.

– М-м... да, – наконец ответила она. – Уехала. Я подумала, что будет лучше чем-нибудь занять себя, закончить учебу и так далее. И моя мама...

– А-а, так вам мама помогала с ребенком, – заулыбалась Барбара. – Как все удачно для вас сложилось. Но, должно быть, вы замучались каждый день мотаться туда-сюда. Ведь ваши родители, кажется, жили возле самого Перта, а у вас, наверное, не было машины?

Тилли растерянно уставилась на нее, потом сумела собраться с мыслями.

– Ну знаете, мы как-то выкручивались, – неопределенно ответила она, жестом давая понять, что пора закрыть тему.

– Вообще-то, мама жила в городе, – ляпнула Сара. – А к нам иногда приезжала на выходные. Так бабушка говорила. Сама-то я этого не помню.

– Сара, послушать тебя, так это был какой-то кошмар! – В смехе Тилли послышались истерические нотки, а взгляд стал испуганным. – Как будто я бросила тебя!

– Ой... извини, – промямлила Сара, глядя на мать исподлобья.

Неловкую паузу невозмутимо рассек горланый голос Барбары:

– Наверное, Тилли, как раз в это время вы и познакомились с Солом. – Она по-кошачьи улыбнулась, глядя в упор на Мердока. – Я слышала, когда-то он был вашим другом. В сущности, самым близким. Какая жалость, что связь между вами прервалась. Верно говорит Джек, занятно, как такое вообще случается.

– В данном случае ничего особо занятного нет, – ответил Сол Мердок, глядя прямо перед собой. – Я закончил учебу и уехал на другой конец страны, в Викторию.

– Но, насколько я могу судить, какое-то время вы двое были неразлучны. – Барбара выпустила когти. По этому давнему и прерывистому следу она упорно шла на протяжении нескольких месяцев. Путеводными нитями ей служили лишь невнятные слухи и пара пыльных старых дневников. Но, как оказалось, чутье не подвело ее, и теперь она неумолимо настигала добычу.

Сара в простодушном изумлении вытаращила глаза на мать, Тилли беспокойно переступила с ноги на ногу.

– Честно говоря, не знаю, на что вы намекаете, Барбара, – настороженно отозвалась она. – Боюсь, все это за пределами моего понимания. Я, знаете ли, не сильна в подобных тонкостях. – Тилли передернуло, и она плотнее запахнула шаль. – Сол действительно мой давний друг. Никакого секрета тут нет. Когда-то у нас с ним было много общего. Правда, Сол? – Она многозначительно улыбнулась, посмотрев на него. – Мы оба были одиночками. Стеснительными и впечатлительными людьми. Оба боролись за мир. Родственные души, встретившиеся в трудные времена.

– И как же Сол относился к Алистеру, который сражался во Вьетнаме, и к малышке, оставшейся у бабушки? – Оскорбительная вежливость Барбары Бендикс не поддавалась описанию.

Бледное лицо Тилли порозовело.

– Барбара, я не понимаю, что вы пытаетесь этим сказать или доказать. Если вы намекаете, что тут имело место предательство, тогда вы просто не понимаете характер этих отношений...

– Да хватит уже притворяться! – Сол Мердок побелел, резкие морщины между бровями и сбегающие от носа к углам губ стали пепельно-серыми. Он прижал пальцы к вискам. – Хватит прикидываться! – выкрикнул он, с гадливостью глядя на нее. – Ты что, не понимаешь, как все это выглядит? Тебе же прекрасно известно, что это было предательство наихудшего свойства!

– Не понимаю, что вы имеете в виду, Сол. – Тилли искренне озадачилась. Ее огромные глаза наполнились слезами.

– Хватит прикидываться! – застонал он в агонии раздражения и неприязни. – Ты знаешь, о чем я. Все ты знаешь!

– Уймись! – вспыхнула Тилли, вдруг выйдя из себя. – Замолчи! Чего ты этим добиваешься? Совсем уж не в себе! Слышала я, что ты чуть не спятил! – Стрельнув глазами из стороны в сторону, она заметила искаженное ужасом лицо и широко распахнутые глаза Малькольма Пула, бдительную улыбку Барбары, Джека Спротта, что-то озадаченно бормочущего Саре с закаменевшим лицом. Тилли перевела дыхание и положила дрожащую ладонь на рукав Квентина Хейла. Судя по выражению лица Квентина, лучше бы она этого не делала.

Барбара пригубила шампанского и фамильярно подмигнула Солу.

– Ладно вам, Сол, все мы здесь взрослые люди. Господи, легкий адюльтер в наши дни – да кому какое дело? Мой второй супруг, чтоб ему пусто было, на этом собаку съел! Сказать по правде, приятно узнать, что у вас была нормальная человеческая юность, Сол. А то сейчас вы такой важный и правильный! Жаль, конечно, того горемыку в джунглях, но...

– Барбара! – Иви действовала быстро и говорила оживленным и беспечным тоном. – Ведите себя прилично! Всех взбаламутили, негодница вы этакая! Вы неисправимы! – Она стояла перед Барбарой Бендикс, как курица перед стервятником, и качала головой, укоризненно улыбаясь. – Пойдемте со мной, полюбуемся видом из окна – довольно выходок в вашем стиле, ясно? – И она с легкостью, наработанной долгой практикой, увлекла прочь хохочущую, явно польщенную Барбару.

Кейт со вздохом облегчения проводила их взглядом.

Сол Мердок стоял столбом, ни на кого не глядя. Вид у него был ужасный. Кому-то следовало заговорить с ним, но вниманием Квентина всецело завладела Тилли. Кейт уже подумывала подойти к Солу, но она, в сущности, была с ним почти не знакома. Обычно с ним общался сам Брайан Берри. Для возобновления знакомства момент был едва ли подходящим. Сол выглядел усталым, больным и измученным. Кейт увидела, как он залпом осушил бокал и взял у официанта еще один.

Группа начала распадаться, от нее неловко отделялись негромко беседующие пары. Черноволосая бледная Сара Лайтли и взволнованный Джек Спротт увлеклись разговором, сблизив головы. Словно Белоснежка и один из семи гномов, мелькнула у Кейт безумная мысль. Не Ворчун, не Чихун и не Простак. Зюзя, конечно.

Тилли Лайтли что-то напряженно и монотонно втолковывала Квентину, Эми и Малькольму Пулу. Время от времени она беспокойно поглядывала в сторону дочери, и трое ее слушателей переглядывались, пользуясь случаем. Эми была невозмутима, как всегда, но Малькольм выглядел потрясенным до глубины души, а лицо Квентина приобрело землистый оттенок. Кейт понимала, что ей следовало бы радоваться их явному дискомфорту, но почему-то не могла. Все было слишком ужасно. Бедняжка Сара Лайтли смотрелась как призрак. Она явно обожала своего отца.

Очевидно, Иви тоже почувствовала, что ситуация выходит из-под контроля, и не смогла остаться в стороне, когда полетели щепки. Сейчас она стояла у окна, непринужденно болтая с Барбарой и не давая ей вернуться к остальным. Время от времени Барбара раздражалась хохотом, запрокидывая голову так, что на ее белых зубах вспыхивал отблеск люстры. Детство, проведенное в бедности и без любви, затяжная карьера в журналистике, три мужа и бесчисленные стычки с властями сделали Барбару абсолютно невосприимчивой к осуждению и негодованию общества. Эта сорокалетняя женщина обладала деликатностью и хваткой решительно настроенного пятилетнего ребенка.

Невзрачная Дороти Хейл в голубом платье, которое ей не шло, переводила взгляд с одной группы гостей на другую и покусывала губу. Ее пальцы беспокойно теребили ткань на талии. Наконец ее усталый взгляд остановился на неподвижном лице мужа, и она уставилась на него, словно видела в первый раз.

Теперь, когда за окнами стало темно, свет в комнате казался насыщенно-желтым. Лицо Сола Мердока с темными кругами под запавшими глазами и глубокими складками на худых щеках походило на череп. Кейт шагнула к нему, но ее опередил Пол Моррисси с брюзгливо поджатыми губами и решительным взглядом. Кейт увидела, как Пол представился, а Сол ответил на его приветствие предельно холодно, без улыбки. Проведя пятерней по волосам, Пол заговорил.

Кейт взглянула на часы. Согласно плану, вскоре им предстоит перебраться в ресторан неподалеку. А потом Кейт наконец-то освободится и поспешит домой, а Джереми будет ждать ее, чтобы посмеяться над тем, как она давилась икрой с шампанским в высшем обществе, пока он нянчился с детьми. При этой мысли она невольно улыбнулась, подняла глаза и увидела, как белый от ярости Сол Мердок выплеснул содержимое своего бокала прямо в лицо Полу Моррисси и широкими шагами, содрогаясь на ходу, направился к лифту.

– Пол, что вы ему?.. – Кейт вцепилась в рукав Пола Моррисси, с ужасом глядя, как Квентин и Малькольм разом бросают Тилли и устремляются вслед за рослой фигурой, заранее заготовив озабоченные улыбки и увещевания.

Пол горько усмехнулся и утер лицо рукавом.

– Каков хам, а? – взорвался он. – Вот я и объяснил ему, куда проваливать. Хлыщ надутый. Даже говорить со мной не захотел о том, как одной оскорбительной и предвзятой рецензией уничтожил все шансы на успех моего романа. Мораль взялся мне читать. Чуть ли не в лицо обозвал дегенератом. Мол, мышление у меня невнятное, самолюбование и все такое. И что мне оставалось? Стоять, почтительно склонив голову, и поклоняться этому чертову идолу?

– А вы что?

Пол яростно встряхнул головой, обрызгав лицо Кейт каплями шампанского, которыми до сих пор были усеяны его волосы.

– Если уж хотите знать, я сказал, что он исписавшийся престарелый фашист, который давно вышел в тираж.

– Пол!

– И добавил, что не ему разглагольствовать на темы морали. Лучше бы не использовал борьбу за мир как предлог, чтобы наставить рога бедному парню, ушедшему на говенную войну. Вот тут-то он и облил меня шампанским и слинял.

– Неудивительно. – Кейт беспомощно смотрела на бурно жестикулирующую компанию у лифта.

Дверца лифта открылась, в проеме возник нескладный Сид с ничего не выражающим лицом. Сол Мердок вошел, обратился к Сиду и застыл рядом с ним, рослый и прямой, как палка, с замкнутым лицом и устремленным в пространство взглядом. Не обращая на него внимания, Сид вопросительно смотрел на Квентина Хейла.

Возникла странная заминка. Казалось, по приказу босса Сид способен пинком отправить Сола обратно к гостям или оглушить ударом по голове. И все это не меняя выражения лица. Но Квентин еле заметно кивнул, и дверца лифта с лязгом закрылась. Похожая на череп голова Сола мгновение маячила за стеклом, а потом кабина поехала вниз. Все смотрели, как желтая стрелка медленно сдвинулась с места и остановилась на цифре «три».

– И что теперь? – напористо и возбужденно спросил Пол.

Кейт покачала головой. Слишком уж круто все заварилось. Она поискала взглядом Иви, та приветственно вскинула руку и подняла брови в насмешливом изумлении.

– Полагаю, мы идем ужинать, – ответила Кейт.

– Отлично! – Пол потер руки. – Зверски хочу есть.

Сол Мердок лежал на жесткой постели в уютной комнате на третьем этаже и всеми силами сдерживал гнев. Этот бездарь Моррисси. Этот непроходимо дремучий обыватель Хейл. Этот мерзкий пьянчуга Джек. Эта вкрадчивая гадина Барбара Бендикс. Тварь во всех смыслах слова. И Тилли. Тилли Лайтли. Она совсем не изменилась – тщеславная, безмозглая манипуляторша Тилли Лайтли. Как они посмели. Как они посмели! Мердок скрипнул зубами и откинул голову на подушку. Но он поставит их на место. Сделает то, что пообещал им, кретинам, пока они тупили возле лифта. Ей-богу, завтра же он им устроит. Отменять интервью уже слишком поздно. Он расскажет всему миру, как ненавистен ему этот фарс, этот пошлый и дешевый рекламный трюк. Они еще проклянут тот день, когда решили спекулировать на его имени, чтобы возвестить о кончине еще одной австралийской компании, и тем самым низвести его – его! – до уровня остальных трех пародий на человеческие существа, оставить его беззащитным перед... перед...

Истиной. Конец фразы нашелся, образовал лужицу, подмывшую фундамент праведного негодования. В стене появилась трещина. Душная, тошнотворно-теплая неуверенность в себе начала просачиваться в нее. Истина. Мердок снова скрипнул зубами, но струйка уже превратилась в поток, от которого не сбежать. Его слова, чужие слова, картины прошлого – все это обрушилось на него. Дерзкое и ехидное лицо Пола Моррисси. «Исписавшийся престарелый фашист, который давно вышел в тираж... Скука смертная. Твоя беда в том, что ты мертв, и ненавидишь живых, и силишься наложить свою мертвую лапу на то, что они делают, чтобы убить их заодно. Лицемер». Жаль, конечно, того горемыку в джунглях... Белое лицо Сары Лайтли с жалко разинутым ртом, лицо человека, которого он обманывал. Он же не знал, не знал... Так и надо было сказать, объяснить им, что он понятия не имел о муже и ребенке. Это было так давно. Почему же ему до сих пор унижительно даже вспоминать об этом?

Мердок застонал вслух, вспомнив худенькую невысокую женщину в лиловой кофточке, мать Тилли, присевшую на краешек единственного стула у него в комнате, старательно обставленной в богемном стиле. Невыразительным гнусавым голосом она убеждала его оставить Тилли в покое, хотя бы из уважения к ее родным, мужу, ребенку. Тошнотворное осознание, что он вляпался по уши. Что взбалмошное дитя природы, одинокое и неприкаянное создание, которому он открыл душу, врет ему. Врет! Он вспомнил носовой платок, который женщина комкала в руке, нервозно промакивая тонкие губы. Призрачное сходство с самой Тилли, постаревшей, выдохшейся, поскучевнейшей под действием времени, обстоятельств, провинциальности и обыденного католичества. Внезапное физическое отвращение. Стыд, взметнувшийся горячей волной в его теле. Жгучий стыд. Он до сих пор ощущал его, как в первый раз.

Мердок открыл глаза и уставился в потолок. Он во все глаза смотрел на то, от чего отводил их на протяжении двадцати лет. На унижение. Но не из-за того человека в джунглях, не из-за ребенка, ведь он действительно не знал о них, а из-за того, что он купился, постыдно купился, и все вокруг видели это. Он был смешон, потому что берег фальшивую монету, дорожил, как последний остолоп, дешевой безделушкой, ничего не стоящей, и верил, что она золотая.

Они, должно быть, все это время испытывали по отношению к нему такое же чувство превосходства, а он сопротивлялся, кичился своим благородством и вольностью духа, хоть его и убеждали бросить девчонку, понимая, что она кривляка, обуза и зануда. Их самодовольство, их нетерпимость, их снобизм... Как отвратительны они были, эти мнимые друзья. И насколько правы.

Именно это было невыносимо сознавать. Это и было источником его стыда. Сол оказался таким же тщеславным и ничтожным, как и Тилли, – эгоцентричным, снедаемым гордыней. Значит, они все-таки два сапога пара.

И вот теперь, согласившись приехать сюда, он повторил давнюю ошибку. Обласканный лестью и недалевидный, Мердок пренебрег дурными предчувствиями и попался на дешевую и унижительную уловку. Ну что ж, он им еще покажет. Он всем еще покажет.

Мердок затих, тело расслабилось. В комнате стало темно.

Глава 7. Пора баиньки

– Спасибо, Квентин. Ужин был замечательный. – Барбара Бендикс улыбнулась.

Дороти Хейл, притиснутая к стене в душевой кабине лифта, пожалела о том, что Барбара осталась довольна. Дороти была сыта по горло саркастическими улыбками, которые расточала Барбара за ужином. Беспокойно поглядывая в прямую, как палка, спину мужа, Дороти думала: «Только бы не началась мигрень. Только бы Тилли Лайтли не принялась рассказывать очередную бесконечную историю. Только бы Пол Моррисси сел в такси и уехал домой, как я посоветовала. Только бы Сол Мердок просто уснул. Только бы Джек Спротт не отключился и не наблевал в лифте».

Лифт вздрогнул и остановился на третьем этаже, где гостей ждали апартаменты: постели, застеленные белоснежными простынями, кухонные уголки с запасом печенья, чая, молока, охлажденного белого вина и газировки, букетики цветов без запаха в хрустальных вазочках.

Малькольм открыл дверь кабины, вышел и застыл с ангельским видом безмолвного участника похоронной процессии. Тилли Лайтли выпорхнула следом и остановилась рядом с ним, болезненно тонкая и усталая. Ее дочь тяжело протопала мимо и направилась к их номеру, роясь в сумочке в поисках ключа.

Недолго понаблюдав за ней, Тилли вздохнула и повернулась к остальным.

– Какой странный вечер! – тихо произнесла она: огромные, полные слез глаза, скомканный платочек, прижатый к уголку рта. – Я абсолютно без сил, честное слово.

– Всем нам станет легче, когда мы как следует выспимся, верно? – отозвался Квентин. Теплые нотки в его голосе не сочетались с натянутой улыбкой.

– Джеку вряд ли! – подала голос Барбара. – Кстати, в настоящий момент Джек стоит на моей ноге. Ради бога, помогите ему кто-нибудь!

– ...вать, – пробубнил весельчак Джек Спротт и качнулся вперед. – А ну вас всех! Вот покемарю чуток и буду как огурец. Все они, сынок, под одну статью, эти женщины. – Чтобы не упасть, он схватился за плечо Малькольма. – Пилят, пилят, пилят. Что красотки, что уродки – все едино.

– Вот что, Джек. – Терпение Квентина иссякло. – Вы в третьем номере, в конце коридора. Запомнили? Шагом марш!

Джек осоловело уставился на него и медленно поднял палец.

– В джунглях, – старательно выговорил он, – в два счета понимаешь, кому можно доверять. Хорошего офицера видно по тому, как он делает свое дело. Никакой суматохи. Никакого брожения в рядах. Никакой показухи. Ясно, о чем я?

Массивное лицо Квентина потемнело.

Барбара придвинулась к Джеку, на ее лице расцвела кошачья улыбка.

– Идемте же, Джек, – замурлыкала она. – Пора баиньки. Я вас провожу, и Малькольм поможет.

Спротт довольно ухмыльнулся.

– Да на кой мне помощь, Барб! Старина Джек еще хоть куда! – хрипло выкрикнул он.

– Ну вы прямо огонь, Джек! – Барбара решительно взяла его под руку, вцепилась покрепче, и Малькольм Пул последовал ее примеру с другой стороны. Она подмигнула ему, он заметно смутился.

– Эх, видели бы вы меня лет двадцать назад, Барб! Да я был здоров как бык! – жизнерадостно забулькал Джек. – Вам хоть кто подтвердил бы из наших парней, будь они сейчас здесь. Эх, было времечко! Тед, Кролик, Валлаби, Проньра Джо – славные ребята. А я рассказывал вам, как я...

– В другой раз, Джек. – Барбара настойчиво потащила вперед рыхлого коротышку.

Малькольм, слегка пошатывающийся под тяжестью груза, неловко вывернул шею, чтобы оглянуться на босса.

– Квентин, вы поднимайтесь. А я обо всем здесь позабочусь.

– Благодарю, Малькольм. – Лицо Квентина Хейла приняло суровый вид. – Сделайте одолжение. А завтра утром в восемь я жду вас у себя, если не возражаете. Надо кое-что обсудить. Малькольм закатил глаза и занялся своим делом, не добавив ни слова.

– Спокойной ночи, Тилли, – продолжал Квентин, раздраженно глядя на замявшуюся в нерешительности одинокую фигурку. – Мне жаль, что не... что вам так досталось.

Поколебавшись, Тилли шагнула к нему.

– Наверное, не надо было мне приезжать, – зашептала она. – Сол явно... в общем, он явно погорячился, верно? Я и подумать не могла, что он... – Она прикусила нижнюю губу.

Последовала краткая пауза. Дороти пробормотала что-то невнятное.

– Сара успокоится, – добавила Тилли.

– О да! – послушно согласился Квентин, бросив на нее краткий взгляд. На мгновение мелькнула его прежняя уверенная улыбка.

Тилли торопливо улыбнулась в ответ.

– И еще послушайте, Квентин... просто помните: что бы ни сказал Сол завтра о компании, я сделаю все возможное, чтобы смягчить впечатление. Так что не волнуйтесь и как следует выспитесь. И вы тоже, Дороти. У вас обоих такой усталый вид, – пролепетала она, нарочито снисходительно похлопав Хейла по руке.

– Благодарю вас, Тилли. Спокойной ночи, – не выдержал Квентин.

Дверцы лифта закрылись перед болезненно-хрупкой фигуркой, сладко и печально улыбавшейся до последнего момента.

Оставшись одни, муж и жена повернулись друг к другу.

– Эми уехала домой на такси? – Голос Дороти звучал глухо и уныло.

Он кивнул. Движение получилось резким и нетерпеливым.

– Само собой, Дот!

– За нее расплачивался ты? Кто-нибудь тебя видел?

– Я дал ей талон на такси. Так поступил бы кто угодно. Она же работала допоздна. И вообще, к чему сейчас этот разговор? – раздраженно продолжал он. – Ты на ней заиклилась, Дот. Ради бога, подумай лучше о том, как я попал, как мы все попали, ага? Вот бедлам! Ну Малькольм, сколько дерьма наворотил! Безмозглый сопляк. А эта старая сука, Иви Ньюэлл! Знаешь, Дот, она ведь меня подставила. Взяла и подставила на хрен. Она-то знала, что будет катастрофа. Все она знала.

– А может, и нет.

– Знала, можешь мне поверить.

Лифт остановился. Квентин рывком распахнул дверь, и супруги шагнули в гостиную, где за время их отсутствия был наведен безукоризненный порядок.

Квентин ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, освобождая сильную покрасневшую шею из тисков воротничка. Он обвел взглядом их просторное, мягко освещенное пристанище, и Дороти увидела, как напряжение в нем начинает постепенно ослабевать. Квентин направился к бару и плеснул себе виски.

– Я сам поговорю с Мердоком, – сказал он скорее себе, чем жене. – Я его уболтаю. Если понадобится, на колени встану. Посвящу ему завтра весь день. Малькольм пусть не дает Джеку налегать на выпивку, Эми – нянчится с этой Лайтли. А Иви – обрабатывает Бендикс. Пусть приносит хоть какую-нибудь пользу, черт бы ее побрал. С ней я потом разберусь. Главное – не давать им сойтись, и дело в шляпе. Все у нас получится. – Он залпом выпил виски, потом вспомнил про жену. – Хереса хочешь?

– Нет, спасибо. – Дороти наблюдала за мужем, восхищаясь его стойкостью. Пять минут назад он был на грани срыва, а теперь у него уже имелся план действий, и его уверенность в себе ничуть не пострадала. Квентин удивительный. Дороти ничуть не сомневалась в его правоте. Все будет так, как он сказал. Она много раз видела, как муж добивался своего. Силе его воли невозможно противостоять. Все будет точно так, как он сказал – если ничто не заставит его отказаться от прежних намерений.

Сара Лайтли лежала без сна, прислушиваясь к городскому гулу, приглушенным крикам и вою сирен, проникающим сквозь двойное остекление окон апартаментов. В комнате с кондиционером было прохладно, простыня и одеяло оказались мягкими и легкими, упругий пружинный матрас – как раз таким, как она любила. Но ей казалось, что она наблюдает за собой со стороны. Разум словно отделился от тела. Мать, свернувшаяся клубочком на второй кровати, у противоположной стены, дышала тихо и ровно. Принимать лекарства она отказалась. Как же ей удалось уснуть так быстро? Или притворяется?

Сара задумалась об этом. Забавно, как легко она поверила в притворство Тилли. Оказывается, двуличие, свойственное матери, она принимала как данность и считала обычной чертой характера. Это двуличие Сара наблюдала с раннего детства, и в ее отношениях с матерью всегда присутствовал элемент обмана. Но, разумеется, это ненормально, так?

Папа. У Сары и вправду остались о нем воспоминания лишь из раннего детства. Но ей запомнились взгляды, паузы, негромкие разговоры за полночь, в итоге у нее сложилось впечатление, что он не собирался смотреть сквозь пальцы на поведение Тилли. Неужели все это время он знал... про Сола Мердока и все остальное?

В коридоре под тонким ковровым ковриком скрипнула половица. Кто-то на ногах. Интересно, кто бы это мог быть? Уж точно не старый Джек Спротт. Саре показалось, что он еле держался на ногах, когда его так решительно увели спать эта ужасная Барбара и Малькольм Пул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.